

A woman with long brown hair, wearing a white wedding dress and a sheer veil, stands in the center. She is smiling and looking towards the camera. On either side of her are two muscular men with short brown hair and light beards. They are wearing black leather vests over dark shirts. They are looking off to the side with serious expressions. The background is dark and textured.

Андрей Гросс

Невеста Трёх Лесорубов

Полная версия!

Андрей Гросс

Невеста для трех Лесорубов

«Литнет»

2026

Гросс А.

Невеста для трех Лесорубов / А. Гросс — «Литнет», 2026

ИХ БЫЛО ТРОЕ. ОНИ КУПИЛИ МЕНЯ. ОНИ НЕ ЖДАЛИ, ЧТО Я
ЗАХОЧУ ОСТАТЬСЯ. Подпольный аукцион. Молоток. И я — собственность
трёх суровых незнакомцев с телами титанов и взглядами, от которых плавится
лёд. Их мир — изоляция, топоры и закон силы. Мой долг — покорность. Но
в их диком прикосновении я нашла свободу. В их грубости — исцеление. Это
порочно, опасно и жарко, как адское пламя. Довериться ли им? Бежать? Или...
остаться, чтобы завоевать своих похитителей? *Плен страсти в глубине леса.
Очень откровенно.♥# Строго 18+.*

© Гросс А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3.	23
Глава 4.	29
Глава 5.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Аманда

Тени в подвале были густыми, как смола, и в них таился запах — тяжёлый, сладковато-гнилостный коктейль из сигарного дыма, дешёвого виски и человеческого пота. Воздух был плотным, им невозможно было надышаться. Каждый вдох обжигал лёгкие, а сердце, заточённое в груди, отчаянно билось, словно раненая птица о прутья клетки.

— Ты следующая, — прозвучало рядом.

Голос был плоским, безжизненным, как скрип ржавой двери. Мужчина, чьё лицо растворялось в полумраке, не смотрел на меня. Я была для него лишь очередным предметом в череде, живым грузом, который нужно доставить к месту назначения.

Мир сузился до трепета под рёбрами и гулко гоула в ушах. Я впиалась взглядом в центр комнаты, где под ослепительным лучом прожектора стояла она. Другая. Её силуэт, облачённый в чёрное кружево, которое скорее обнажало, чем скрывало, казался хрупким и беззащитным. Голос аукциониста, нарастая, как прибой, выкрикивал цифры, за каждую из которых покупали кусочки её свободы. Но она была невольницей. А я... я была добровольной жертвой. Меня не привели сюда в цепях. Я пришла сама, переступив порог отчаяния. Деньги, что заплатят за меня, не уйдут в карман неведомому сутенёру. Их получу я. Это была моя цена. Цена спасения. Цена её, Элли. Когда терять уже нечего, даже собственная душа кажется приемлемой монетой.

Я пыталась дышать — вдох на пять, выдох на десять. Пальцы впились в ладони так, что тупой болью отдавалось в запястьях. Под ногтями влажно и липко. Ещё мгновение — и я окажусь там, под этим безжалостным светом, на всеобщем обозрении. Кто купит этот год моей жизни? Добрый? Злой? Красивый? Урод? Неважно. Хорошие люди в такие места не приходят. Здесь собираются те, чьи желания не вписываются в рамки дневного света.

Я скользнула взглядом по фигурам в гуще мрака. Мелькали ухмылки, блестели глаза, жадные и оценивающие. На мне были простые джинсы и хлопковая майка — броня бедности и наивная попытка сохранить хоть крупицу достоинства. Поможет ли это? Или, наоборот, разожжёт чей-то особый, извращённый интерес? Губы слиплись от неловко нанесённой помады, спина была мокрой от холодного пота. В отчаянном порыве я схватилась за рукав того, кто стоял рядом. Он стряхнул мою руку, будто сбрасывая назойливую мошку. В горле встал горький, солёный ком. В самый страшный миг моей жизни опереться было не на кого. Ни на кого. Одиночество было такой плотной, осязаемой субстанцией, что, казалось, можно было порезаться об её лезвие. На месте сердца зияла ледяная пустота, чернее этой подвальной тьмы.

— Ты готова! — Толчок в спину.

Я сделала шаг, потом другой, ноги были ватными, непослушными. И вот свет ударил в глаза, ослепительный, беспощадный, смывая всё вокруг в белое море. Я зажмурилась, и в этот момент началось. Голос аукциониста прорезал воздух, и с каждым новым числом мир уплывал из-под ног. «Просто будь собой», — советовал устроитель. Какая горькая насмешка. Искать своего «рыцаря» в этом зверинце? «Они любят покорных», — добавил он. От этих слов скрутило желудок.

Но я должна была собраться. Это был мой шанс. Единственный.

— Не хочешь взбодриться? — К моим губам поднесли холодную металлическую фляжку.

Я отпила. Огненная струя виски обожгла горло, разлилась внутри согревающей волной, придав призрачную храбрость. Голоса в зале гудели, обволакивая, проникая под кожу. Я не должна бояться. Не должна.

Сделав последнее усилие, я медленно повернулась, позволяя свету очертить мой профиль. Я не была красавицей с обложки, но знала — во мне была эта хрупкая, «соседская»

невинность, что так манила одних мужчин и так раздражала других. Каштановые волосы рассыпались по плечам. Я подняла подбородок и устремила взгляд в темноту, бросая немой вызов.

И в этот миг луч света дрогнул, метнулся в сторону. Всего на секунду. Но этого хватило.

Прямо передо мной, в первых рядах, стояли они. Трое. Горами плоти и мускулов, от которых, казалось, содрогнулся сам воздух. Двое скрестили руки на могучих грудях, третий стоял, засунув большие пальцы в карманы. Их лица, грубые и сильные, наполовину скрывали щетинистые бороды, но не глаза. Взгляды, тяжёлые и пристальные, будто физически ощутимые, впились в меня. Не как в товар. Словно видели что-то ещё. Что-то за гранью этого платья из света и стыда.

Я моргнула — и они снова растворились во мраке. Но образ впечатался в сознание. По спине пробежала странная дрожь — не только от страха. Что-то иное, тёплое и пугающее одновременно.

Мир закачался. Сердце выпрыгивало из груди, в глазах потемнело. Я протянула руку, пытаясь найти опору в пустоте, и схватила лишь воздух. Последнее, что я услышала, прежде чем тьма накрыла с головой, — хлёсткое, победное: «Продано!»

Сознание возвращалось обрывками. Во рту был вкус меди и пыли, виски гудело в висках. Я открыла глаза, щурясь от тусклого света. Потолок над головой был низким, деревянным. Не аукционный зал.

— На, выпей. Ты отрубилась.

Над склонилась огромная фигура. Не просто крупная — исполинская. Светлые, почти льняные волосы, густая, но аккуратная борода, и глаза... глаза цвета горного тумана, мягкие и внимательные. Он осторожно приподнял мою голову, и к моим губам прикоснулся прохладный край стакана. Вода была ледяной, чистой, как родниковая, и каждый глоток возвращал меня к реальности. Его руки, обтянутые простой клетчатой рубашкой, были сильными, жилистыми, но движение было удивительно бережным.

Я осознала, что на мне лежит чья-то огромная, пахнущая дымом и лесом куртка. Его куртка.

— Она с нами или как?

Голос прозвучал сзади, резкий, как удар топора о сук. Я повернула голову и встретила взглядом другого. Хмурым, недоверчивым, изучающим. Если первый смотрел с участием, то этот — будто оценивал дичь, подстреленную на охоте.

— Дай ей прийти в себя, — мягко, но твёрдо сказал светловолосый гигант.

Третий мужчина поднялся из глубины комнаты. Темноволосый, с короткой стрижкой и пронзительными карими глазами, которые видели всё и сразу. В его движениях была сдержанная сила и властность, от которой по коже снова побежали мурашки.

— Нам пора. Это место... — он с отвращением оглянулся, и его чувства на мгновение стали моими. Он ненавидел это подполье так же, как я.

— Ты едешь с нами, — заявил он, обращаясь ко мне. Это был не вопрос.

— Куда? — мой голос прозвучал хриплым шёпотом.

— В трёх часах езды отсюда, — ответил светловолосый, тот, что дал воды. На его губах дрогнула тень улыбки. — У нас хижина. В горах, посреди леса. Там тихо.

Горы. Лес. Глушь. Моё сердце упало. Я мысленно рисовала себе мрачную городскую квартиру, где я буду пленницей, но хотя бы в одном городе с Элли. Рядом с больницей. Теперь же меня увозили на край света.

Второй мужчина, хмурым, нервно постучал каблуком тяжёлого ботинка об пол.

— Но вас... трое, — выдавила я. Сознание наконец прояснилось настолько, чтобы задать главный вопрос. — Кто сделал ставку? Кто... купил меня?

Ответил темноволосый. Спокойно, чётко, без эмоций, будто констатировал факт смены погоды.
— Мы все. Вместе.

Он сделал шаг вперёд и протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Его ладонь была широкой, тёплой, с грубыми мозолями.

— Я Арон, — он кивнул на светловолосого великана. — Это Филл. А это Джек.

«Джек» — хмурый — лишь ещё глубже нахмурился, будто само его имя, произнесённое вслух в моём присутствии, было нарушением какого-то негласного правила.

— Я не соглашалась на... на троих, — попыталась я возразить, но голос предательски задрожал. Арон посмотрел на меня прямо, и в его тёмных глазах читалась не жестокость, а суровая правда.

— Мы заплатили. Втроём. За один лот, — произнёс Финн, тот самый, с глазами цвета тумана. Его голос был тихим, но весомым. — Твоя... работа будет в три раза больше. А значит, и твой выигрыш в конце — тоже.

Он сделал едва уловимую паузу перед словом «работа», и это слово повисло в воздухе, наполненное нераскрытым, пугающим смыслом. Контракт говорил о готовке, уборке, «физических услугах». Служить одному такому мужчине было бы испытанием. А троим? Трёх титанам с руками, способными валить лес, и взглядами, способными выжечь душу?

Я встала, отряхнувшись от оцепенения, и стянула с плеч огромную куртку Финна, возвращая её. Воздух в комнате показался холодным. Я выпрямила спину, пытаюсь найти в себе крупицу того достоинства, что было у меня на аукционе. Я была куплена. Но я не была сломлена. Ещё нет.

— Хорошо, — сказала я тихо, глядя по очереди на Арона, Филла и Джека. — Значит, поехали.

В этом согласии была вся моя отчаянная надежда и весь мой леденящий ужас. Год. Три хозяина. Глухие горы. И бездна, в которую я делала свой первый, добровольный шаг.

Мысль о деньгах, тяжёлых и реальных, струилась в сознании, как тёплый нектар, согревая изнутри ледяной ком страха. Я покачнулась на ногах, и мир на мгновение уплыл, замесившись цифрами. Сумма. Та самая, что способна стать мостом через бездну. Хватит на всё. На лекарства, на лучших врачей, на шанс, который уже начинал казаться миражом. Эта мысль крепла во мне, становясь броней. Это того стоит, — сурово сказала я себе, сжимая внутренне кулаки. *Что бы мне теперь ни пришлось сделать. Что бы ни ждало впереди.

Джон бросил на меня короткий, режущий взгляд — будто луч фонаря скользнул по гранитной глыбе, не задержавшись. Его внимание тут же переключилось на товарищей, а потом упёрлось в дверь, как будто сама деревянная панель была единственным разумным выходом из этой нелепой ситуации.

Тишину прервал осторожный стук. В дверь вошёл аукционист, его прилизанные волосы и деловой костюм казались гротескными на фоне этой обшарпанной комнаты. В руках, от которых исходил слабый запах дорогого лосьона и бумаги, он держал два одинаковых плотных конверта.

— Как и договаривались, — его голос был гладким, профессиональным, — средства зачислены на именной счёт. Доступ будет заблокирован на двенадцать месяцев. Все детали, обязательства и... условия — в договоре.

Один конверт он протянул мне. Бумага была прохладной на ощупь. Второй — Джону. Тот взял его, и казалось, воздух вокруг мужчины стусился от немой ярости. Он смотрел на белый прямоугольник так, словно это была не расписка, а личное оскорбление. Я удивилась, как конверт не вспыхнул и не рассыпался в пепел под этим взглядом.

— Спасибо. Мы готовы к отъезду, — Арон, разрушая напряжённую тишину, перевёл взгляд на меня. В его тёмных глазах читалась не грубость, а деловитость, словно он оценивал объём предстоящих работ. — Где твой багаж?

Мой взгляд опустился на собственные руки, пустые и незащищенные. — Только... эта сумка, — я кивнула на скромную холщовую сумочку, валявшуюся в углу.

Джон что-то хрипло пробормотал себе под нос, ругательство, прозвучавшее как отдалённый раскат грома, и резко развернулся, выйдя за дверь, даже не оглянувшись.

Финн коснулся моего локтя. Прикосновение было лёгким, но твёрдым. — Иди, заberi свои вещи.

Когда я вышла в коридор, он последовал за мной, сохраняя дистанцию в два шага. Страж. Или надсмотрщик. Он, наверное, боялся, что я рванусь вон, к свободе, на последнем издыхании. Он не понимал простой истины: для меня уже не существовало «назад». Там, куда можно было бы бежать, меня ждала лишь иная, куда более страшная клетка.

Комната ожидания для «лотов» была пуста и грязна. В углу, свернувшись калачиком на грязном матрасе, тихо всхлипывала девушка. Её тонкие плечи вздрагивали, а в глазах, полных слёз, стоял животный, неосознанный ужас. Она была так молода. Почти девочка. В горле у меня сжалось. Мне хотелось подойти, обнять её, прошептать в спутанные волосы те слова, что я твердила себе все эти долгие месяцы: «Пока ты дышишь, пока в груди бьётся сердце — ты жива. А раз жива, значит, шанс есть всегда. Даже когда кажется, что упала на самое дно, всегда есть риск обнаружить под ногами ещё одну пропасть. Но и из неё можно выбраться. Выбраться обязательно».

Но я лишь молча подобрала свою сумку. Слова застряли комом. Я не была в силах спасти её. Я едва могла спасти себя.

Филл молча проводил меня к выходу. Ночной воздух ударил в лицо, холодный, свежий, невероятно чистый после спёртой атмосферы подпольного клуба. Я вздрогнула — и не только от холода. По спине пробежала предательская дрожь. Финн, заметив это, без лишних слов снял с себя своё массивное рабочее пальто и накинул его мне на плечи. Ткань, грубая и пахнущая древесной смолой и дымом, была невероятно тяжёлой и тёплой. Этот жест, простой и заботливый, выбивал почву из-под ног. Он вёл себя не как хозяин, принимающий собственность, а как... мужчина. Это смущало и пугало ещё больше.

Ноги подкосились. Я закачалась, и мир поплыл. Дыхание перехватило. Сильная, уверенная рука тут же обхватила мой локоть, не давая рухнуть на грязный асфальт.

— Держись, — тихо сказал Финн, и его голос прозвучал совсем рядом.

Арон уже ждал у грузовика — старого, выдавшего виды пикапа с потёртой краской. Он открыл пассажирскую дверь. Скрип металла, запах бензина, машинного масла и старой обивки — всё это нахлынуло волной, оживив в памяти другой запах, другой автомобиль. Карлоса. По спине побежал ледяной ручей. Я замерла.

Филл, словно почувствовав мой ступор, открыл заднюю дверь. — Садись сюда. Так будет удобнее.

Он помог мне забраться внутрь. В салоне горел тусклый плафончик, отбрасывавший жёлтый свет на профили Джона и Арона на переднем сиденье. Их плечи, широкие, как дубовые сучья, почти соприкасались, заполняя собой всё пространство.

Филл устроился рядом со мной. Я механически пристегнулась, и лязг ремня прозвучал как щелчок затвора. За окном поплыли знакомые огни города — улицы, по которым я ходила, витрины, в которые смотрела. Они мелькали и таяли, как последние обрывки моей прежней жизни.

— По дороге заедем в магазин, купим тебе всё необходимое, — голос Арона донёсся спереди, ровный и спокойный.

Я хотела возразить, сказать, что им не стоит тратить на меня, но слова застряли. Ходить год в одном и том же было невыносимо. Я могла бы извиниться за своё «нищенское» состояние, но тогда пришлось бы объяснять... объяснять "почему". А раскрывать карты, показывать свою уязвимость этим троим незнакомцам, я не могла. Не сейчас.

Я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза, позволив темноте сомкнуться вокруг. Смотреть в будущее было слишком больно. Я сосредоточилась на звуках: на ровном гуле двигателя, на собственном неровном дыхании, на шуме крови в ушах. Сознание начало уплывать, унося в чёрную, беззвёздную пустоту.

Я очнулась от приглушённых голосов. Я лежала на боку, всё ещё на заднем сиденье, укрытая тяжёлым пальто Филла.

— У неё же вообще ничего нет, — слышался тихий, озабоченный голос Финна.
— Ей много и не надо, — сухо парировал Джон. — Она же никуда отсюда не денется.

Я слотнула подступивший к горлу ком.

— У меня есть пара старых рубашек, может, подойдут, — предложил Финн.
— Она в них утонет, — с лёгкой усмешкой отозвался Арон. — Ты видел, какая она хрупкая?
— Достаточно хрупкая, чтобы сломаться, — прозвучал мрачный басок Джона.

Рядом со мной Финн напрягся.
— Она сильная. Раз решилась на такое. У других не было выбора, а Аманда... она пошла на это сознательно. Не струсил.
— Сильная? — Джон фыркнул, и в его голосе прозвучала откровенная насмешка. — Скорее отчаянная. Или глупая.
— Ну, мы не знаем её обстоятельств, — мягко, но настойчиво продолжил Финн. — Почему ей вдруг так срочно понадобились деньги. И это, в общем-то, не наше дело.
— Вся эта затея... — Джон взмахнул рукой, словно пытаясь обхватить нечто необъятное и неприятное. — Я же говорил, что ни к чему хорошему это не приведёт. Это даже началось неправильно. Но ты, Филл, должен понимать границы. Она не твоя девушка. Не подруга. В лучшем случае — наёмный работник. И работает она за деньги. Не вздумай относиться к ней как к жене. Это будет... несправедливо. Ко всем.

Арон, видимо, сигнализировал кому-то, потому что грузовик издал короткий, хриплый гудок, затем замедлил ход и остановился.
— Она проснулась? — спросил Арон, обернувшись к нам.
— Нет, ещё спит, — тут же ответил Филл.

Арон что-то невнятно пробормотал и вышел, притворив дверь с почти неслышным щелчком. За ним последовал и Филл..

Я осталась одна в машине с Джоном. Его молчаливая, кипящая ярость наполняла салон, становясь почти осязаемой. Она была иной, чем у Карлоса — не истеричной, не шумной, а холодной, сконцентрированной, как энергия перед ударом молнии. Его взгляд, брошенный в зеркало заднего вида, был мрачен, как бездна.

Я замерла, стараясь дышать ровно и глубоко, подражая дыханию спящего человека. Молилась, чтобы он не заметил подвоха. Минуты тянулись мучительно медленно. Ныли мышцы, затекшие от неудобной позы, щёкотала прядь волос, упавшая на лицо, но я не смела пошевелиться.

Внезапно тишину разорвал рёв мотоциклетных двигателей. Грузовик слегка вздрогнул, а воздух снаружи завибрировал от низкого гула. Притворяться спящей под такой грохот было бы нелепо. Я притворилась, что только что проснулась, потянулась и села, протирая глаза.

Джон опустил стекло. Мотоциклы один за другим заглушили моторы. Пятеро парней в потрёпанных кожаных куртках, сняв шлемы, расположились на своих железных конях. Они были другими — не такими, как мои лесорубы. Более городскими, обветренными, с колючим взглядом. Двое — дородные, с животами, нависающими над ремнями, остальные — жилистые, сплошь покрытые татуировками, кричащими из-под закатанных рукавов. На спинах у всех красовались нашивки с мрачным символом и названием: «Теневые гонщики».

Филл уверенно подошёл к одному из них, и они обменялись крепкими, братскими объятиями. Сходство стало очевидным — те же светлые волосы, тот же широкий постав плеч, та же манера держать голову. Родная кровь.

— Привет, братан! — Финн хлопнул байкера по плечу.

Их разговор прервался, когда к окну подкатил самый крупный из мотогонщиков. Он был даже массивнее Финна.
 — Джон! Скучали по тебе на прошлых посиделках у Тараса!
 — Дела, Кевин, — коротко бросил Джон. — Объёмы большие. А вы что тут делаете?
 — Да так, потягиваем пиво, дымим сигары. Жена Грега укатила к маме, так что думаем покером размяться. Присоединяйся, если хочешь. Будет весело.

Джон мотнул головой в сторону заднего сиденья, и взгляд Кевина упал на меня, съёжившуюся в углу.
 — О-о-ой, — протянул он, прищурившись. — А у тебя тут пассажирочка. Симпатичная.

Джон лишь пожал плечами, всем видом показывая, что моя «симпатичность» — наименее значимая деталь в этой картине.
 — Разберёмся с работой — навестаем, Кев. И пиво, и покер, и всё остальное.
 — Держи нас в курсе, чувак! — Байкер полез в карман, достал толстую пачку купюр и отсчитал часть, передавая другому.

Я отодвинулась глубже в тень, стараясь стать невидимкой. Вскоре Финн и Арон вернулись, неся несколько пакетов. Арон бросил их к ногам Джона. Шуршание целлофана прозвучало странно громко.

Должно быть, я снова провалилась в забытьё, потому что очнулась от прикосновения. Шершавая, но осторожная ладонь коснулась моего лба, отодвигая прядь волос. Я вздрогнула и открыла глаза.

Филл стоял, склонившись надо мной, протягивая руки ладонями вверх, как бы предлагая помощь.
 — Мы приехали. Домой, — сказал он, и в его улыбке я уловила ту же нервную ноту, что и раньше.

Я огляделась. За окном — крошечная, непроглядная темень. Ни огонька, ни намёка на жильё. Только чёрный силуэт сосен, упирающихся в чуть более светлое небо.

"Я сделала это", — пронеслось в голове. "Деньги на счету. Всё, что нужно теперь — прожить триста шестьдесят пять дней. И я буду свободна."

Пока Арон и Джон растворялись в темноте, неся покупки, а Филл помогал мне выбраться из грузовика на холодную, утопанную землю, один вопрос вертелся в мозгу, жгучий и безответный: смогу ли я когда-нибудь снова найти место, которое смогу по-настоящему назвать домом?

АРОН

Ноги затекли и одеревенели за долгую дорогу, и даже короткий путь от грузовика до крыльца хижины казался спасительной разминкой. Я крепче сжал в руках пакеты с покупками. Бумажные ручки врезались в ладони. Внутри — тёплые свитера, практичные джинсы, шерстяные носки, неуклюжие, но надёжные ботинки её размера, и то, от чего я до сих пор чувствовал лёгкую неловкость — несколько комплектов простого белья и тёплая пижама. Ассортимент в ночном магазине был скудным, но я выбирал самое мягкое, самое качественное из того, что было. Надеюсь, подберу по размеру. А если нет... ей всё равно придётся это носить. У неё больше ничего нет.

Я толкнул простую, массивную дверь из тёмного дерева. Навстречу хлынул знакомый, родной запах нашего жилища: смолистый аромат сосновых стен, сладковатая пыль на балках, едва уловимый дымок от давно потухшего в печи полена. Мы старались содержать дом в порядке, но ни один из нас не был прирождённым хозяином. Уют здесь был спартанским, мужским.

Звук шагов — моих, Джона, Филла и её, лёгких и неуверенных — нарушил лесную тишину. Хруст замерзшей хвои под подошвами, скрип половиц на крыльце. Мы шли молча. Воздух вокруг был густым от всего несказанного, от договорённостей, опасений и смутных ожиданий, что витали между нами тремя и этой хрупкой незнакомкой, переступившей наш порог.

Мы давно, в тишине вечеров у камина, признавали: в доме не хватает чего-то мягкого, тёплого, женского. Не просто уборки или готовки, а того неуловимого духа, который превращает укрытие от непогоды — в очаг. Но как этого добиться, не разрушив хрупкий баланс нашего братства? Это была тема для долгих, иногда жарких споров.

Филл тосковал по этому больше всех. В его душе, несмотря на внешнюю суровость, всегда тлел уголёк нежности, жажда простой человеческой близости. Джон же, напротив, с самого начала был настроен скептически. «Женщины — это хлопоты, — говаривал он, точа нож о брусок с таким усердием, будто точил свои аргументы. — Они приносят с собой ветер, который гасит огонь, или бурю, что ломает крышу. Доверять им — всё равно что доверять апрельскому льду на реке».

Он не хотел усложнений. Но мы с Финном, в конце концов, сумели до него достучаться. Не убедить, нет. Скорее, заставить дать шанс.

И теперь, чувствуя на себе его тяжёлый, испытующий взгляд, я понимал — мне нужно доказать, что это был правильный шаг. Аукцион... да, это был крайний, сомнительный путь. Но какой ещё был вариант? Подойти в баре? Трое бородатых громил, предлагающих женщине такой договор? Нас бы либо выгнали, либо вызвали полицию. Наша внешность — эти руки, привыкшие валить лес, и лица, закалённые ветром, — работала против нас в мире обычных людей.

Остановившись на пороге, я пропустил её вперёд — эту Аманду, купленную за деньги, но принесшую с собой в наш дремучий лес целый ворох неразрешимых вопросов. Вопросы, на которые теперь предстояло искать ответы всем нам.

Если отбросить грубоватую, первозданную привлекательность наших тел, выкованных трудом, в нашем доме не было и намёка на изысканность или романтику. Здесь царила простая, суровая функциональность. И то, что мы ожидали от этой женщины, было чётко прописано в условиях сделки. Мы платили немалые деньги — и должны были получить оговорённую услугу. Она подписала контракт своей волей, и теперь ей предстоит научиться давать нам то, чего мы хотим. Если будет сопротивляться — мы найдём способы убедить её в необходимости подчинения. Или отправим обратно, лишив всего, включая обещанное вознаграждение. Холодная логика договора была на нашей стороне.

Джон шёл следом за мной, и его тяжёлая, молчаливая аура, как всегда, давила на окружение, словно предгрозовое затишье. Филл ввёл девушку в дом, и она замерла на пороге, широко раскрыв глаза. Её взгляд, быстрый и испуганный, скользнул по стенам, сжавшись, как зрачок на ярком свете, когда Финн закрыл массивную дверь с глухим, окончательным щелчком. Дверь в её прошлое. Её губы слегка приоткрылись от тихого, прерванного вдоха. Затем, будто ощутив тяжесть наших взглядов и осознав, какую уязвимость выдаёт, она сделала почти незаметное движение — расправила узкие плечи и вздёрнула подбородок. Маленький, но гордый жест непокорности.

И этот намёк на внутренний стержень, эта искра неподчинения в её зелёных глазах... от них по моей спине пробежал разряд, а внизу живота заструилось знакомое, плотное тепло. Эрекция наступила почти мгновенно, тугая и требовательная.

— Как тебя зовут? — спросил я, хотя этот вопрос давно следовало задать, ещё в той душевной комнате на аукционе.

Она была настолько красива, что один только её вид рождал в голове череду откровенных, непристойных образов. Я представлял, как её бледная кожа покрывается мурашками под моими ладонями, как её губы, сейчас слегка сжатые, разомкнутся для тихого стога. Думал о том, как она будет трепетать, если бы могла прочесть мои мысли в этот миг.

— Аманда, — ответила она.

Её голос, чистый и мелодичный, с лёгкой хрипотцой от волнения, прозвучал в нашем суровом пространстве, как камертон, ударивший по натянутой струне. Я привык к басистому рыку Джона и спокойному баритону Финна. Её тембр был иным — женственным, проникающим куда-то глубоко.

— Прелестно, — произнёс Филл, и его лицо снова озарила та же широкая, чуть нервная улыбка.

Джон, как и ожидалось, лишь глубже нахмурился, его бородастая челюсть напряглась.

Я наблюдал, как Аманда осматривает наше жилище. Её взгляд, теперь уже более осознанный, скользил по грубо сколоченной, но добротной кухне, по массивному дубовому столу, вытесанному нами из цельного ствола, по потрёпанному кожаному дивану, по мощным потолочным балкам, темневшим от времени и дыма. В углу, за чугунной дверцей, тихо потрескивала и мерцала сквозь слюдяное окошко печь — сердце нашего дома.

Она, казалось, затаила дыхание, но продолжала держать осанку, пытаясь впитать обстановку, не выдав внутренней бури. Я впервые за долгое время взглянул на наше убежище чужими глазами — глазами женщины — и снова почувствовал смутную гордость. Это было наше творение, наша крепость. Но в ней никогда не звучал лёгкий женский смех, не витали тонкие духи, не лежали на спинке дивана мягкие пледы.

Она была здесь на год. Наша. По контракту. И мы могли требовать... всё. Эта мысль, жестокая и возбуждающая одновременно, заставила мурашки снова пробежать по коже, а кровь гуще прилить к паху. Я поймал себя на образе: она на коленях передо мной, её каштановые волосы в моей руке, её губы, обнимающие мой член... Будет ли она плакать, когда Джон, с его мрачной фантазией, привяжет её к столбу кровати? Задрожит ли она от страха и, может быть, от чего-то ещё, когда моя ладонь опустится на её нежную кожу, оставляя алые отпечатки?

Армейская закалка научила меня одному: границы должны быть установлены сразу и чётко. Нельзя давать слабину с самого начала. Если мы хотим, чтобы Аманда поняла своё место в этой хижине и в наших жизнях, никаких поблажек быть не должно.

— Ты знаешь, для чего ты здесь, — произнёс я, делая шаг к ней. Пространство между нами сократилось, и я уловил лёгкий, чистый запах её кожи, смешанный с запахом дорожной пыли.

В её зелёных, как лесная трава после дождя, глазах промелькнула тень, но она сжала челюсть, и я увидел, как напряглись тонкие мышцы на её шее.
— Я знаю, — прозвучало тихо, но твёрдо.

Филл откашлялся, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. Я бросил на него короткий, предупреждающий взгляд. Я знал его слабость, его склонность к состраданию. Он, наверное, уже хочет отступить, предложить ей чаю, дать «освоиться». Он не понимал — так мы потеряем контроль в первый же вечер. Её нужно было принять, обозначить власть сейчас, пока шок от новой реальности парализует её волю. Иначе всё пойдёт наперекосяк.

— Возьми свои вещи, — сказал я, указывая на пакеты у её ног. — Приготовься. У тебя есть десять минут.

Я протянул ей одну из сумок. Её пальцы, тонкие и холодные, коснулись моей ладони. Я почувствовал лёгкую дрожь, которую она тут же подавила, сжав ручку пакета так, что костяшки побелели.

— Твоя комната — вторая дверь справа. Ванная — через коридор.

Я ожидал протеста, мольбы о времени, чтобы прийти в себя. Ведь мы едва обменялись с ней парой фраз. Но оказалось, в этой хрупкой Аманде больше отчаянной смелости, чем я предполагал. Или... эта ситуация не была для неё в новинку? Мысль о том, что до нас к ней прикасался кто-то другой, что она знает мужские руки и не понаслышке, вспыхнула во мне внезапной, иррациональной яростью. Это было абсурдно. Я едва знал её. Но какая-то часть

моего существа уже кричала, что она *наша*. Моя. Наша то есть общая. Требовала стереть все следы прошлого.

Она молча развернулась и пошла по указанному коридору. За ней мягко захлопнулась дверь. Звук этот прозвучал как точка, поставленная в конце её прежней жизни.

Я повернулся к Филлу. — Просто помни, о чём мы договаривались.

— Я же предупреждал, — раздался грубый голос Джона. Он стоял, прислонившись к косяку, скрестив руки. — Он первый горел этой идеей, а теперь у него совесть зашевелилась. Жалко птичку стало?

— О чём ты? — Филл резко повернулся к нему, выпятив челюсть. — Я всего лишь сказал, что Аманда не кажется мне дерзкой или испорченной. Она... уязвимая. Хрупкая.

— Хрупкая? — я не смог сдержать короткого, резкого смеха. — Ты не видел, как она сжала зубы? Она не хрупкая, она — сдержанная. И внутри у неё бушует сопротивление, которое нам нужно аккуратно, но твёрдо погасить. Пока оно не вырвалось наружу и не сожрало все наши договорённости.

Джон плюхнулся на коричневый кожаный диван, с грохотом расставил ноги и закинул руки за голову, демонстрируя полное, почти вызывающее расслабление. — Ты молод, Филл, — напомнил я, глядя на него. — Ты не видел того, что довелось видеть нам. Как ломаются люди. Как рвутся связи.

— Я видал достаточно! — вспыхнул Финн, и в его голубых глазах вспыхнул огонь. — И ты это прекрасно знаешь!

Он бросил взгляд на дверь, за которой скрылась Аманда, и в этом взгляде было столько неподдельного, почти болезненного желания, смешанного с тревогой, что мне стало не по себе. Филл, рано потерявший мать, всегда тянулся к женскому теплу с какой-то щемящей тоской. Эта слабость могла стать проблемой. Но, возможно, именно этот опыт в итоге и закалит его.

Я подошёл к раковине, налил в стакан ледяной воды из крана и залпом выпил, пытаясь сбить нарастающий жар. За окном, в непроглядной темноте, стоял наш лес — молчаливый, вечный, полный своих тайн. Я мечтал сейчас о прохладе его чащи, о тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы. Эти двое были мне братьями, кровью от крови. Но иногда их присутствие, их страсти и противоречия, давили не меньше, чем одиночество. Хотя без них было бы невыносимо. Такова семья — избранная, грубая, неидеальная.

Я обернулся. Финн всё ещё метался, не зная, куда деть себя. Он грыз ноготь большого пальца, потом сжал кулак, ударил им бесшумно по собственной ладони. Парень был на грани.

— Я возьму инициативу на себя, — заявил я твёрдо. Я не доверял им в этом. Финн будет слишком мягок, будет искать в её глазах одобрения. Джон — слишком жесток, может перегнуть палку и сломать не только сопротивление, но и её саму. Аманде нужна была твёрдая, но не сокрушающая рука. Как дикой кобылице, которой нужно почувствовать власть седока, но не потерять пыл.

— Конечно, ты хочешь быть первым, — проворчал Джон с дивана, не открывая глаз. — Хочешь прочувствовать эту киску, пока она тугой бутон, а не растёпанный цветок.

— Чёрт тебя побери, неужели сейчас только это в твоей башке? — Финн взорвался, повернувшись к Джону со сжатыми кулаками.

Тот лишь приоткрыл один глаз, и на его губах появилась кривая, понимающая усмешка. — Я её хочу. И ты тоже. Так что давай решать, как будем делить.

Я уже собирался вставить своё, призвать к порядку, но в этот момент в дверном проёме появилась Аманда.

Она стояла там, и время, казалось, замерло. На ней была только одна из моих старых фланелевых рубашек, купленных для неё. Она была настолько велика, что почти скрывала её бёдра. Но пуговицы... пуговицы были расстёгнуты. Не все, но достаточно, чтобы открыть гладкую, бледную кожу груди, тень между грудями, плоский живот. Она не сказала ни слова. Её

взгляд, спокойный и отстранённый, медленно перешёл с Филла на Джона, затем остановился на мне. В нём не было ни вызова, ни страха. Была лишь ледяная, пугающая покорность. Затем она развернулась и ушла обратно в коридор, в свою комнату, оставив за собой шлейф немого вопроса и взрыв адреналина в нашей крови.

Я встретился взглядом с Джоном. В его глазах промелькнуло то же, что бушевало во мне: удивление, азарт и тень уважения. Возможно, Аманда была не той нервной, невинной девочкой, какой пыталась казаться. Возможно, её не придётся ломать с таким трудом. А может, она просто чертовски умна и играет в нашу игру, принимая правила, чтобы выжить?

Но что-то внутри меня сопротивлялось этой картине. Это было не то. Не та первая ночь, о которой я смутно грезил.

Я направился к её комнате, чувствуя, как Филл и Джон следуют за мной, как тени. Дверь была приоткрыта. Я толкнул её, и она бесшумно отъехала.

Она лежала на широкой кровати из тёмного дерева, которую мы когда-то сколотили на троих, не представляя, что на ней будет лежать одна-единственная женщина. Она лежала на спине, ноги раздвинуты, руки вытянуты по бокам, ладонями вверх. Фланелевая рубашка была полностью распахнута, обнажая простые белые хлопковые трусики и бледную, почти фарфоровую кожу живота, на которой белел след от купальника — перевёрнутая буква «V», говорящая о солнечном прошлом, которого у неё больше не было. Она смотрела в потолок, её лицо было маской бесстрастия. Она просто ждала. Как вещь. Как товар, готовый к использованию.

Чёрт возьми. Это было не то, чего я хотел. Не то, чего, по-настоящему, хотели бы любые из нас, если бы копнули глубже под слой похоти и власти. Это была капитуляция. Возможно, её уже так использовали — как бездушную секс-куклу. Или же... или же это был её хитрый, отчаянный щит? Она играла в покорную рабыню, надеясь, что это удовлетворит нас и даст ей передышку?

Терпение начало изменять мне. За моей спиной я чувствовал напряжённое молчание Финна и тяжёлое, ожидающее дыхание Джона.

Я сделал шаг внутрь. Воздух в комнате пахло свежим деревом и едва уловимым, сладковатым запахом её кожи. От одного вида её тела, такого уязвимого и такого вызывающего в своей пассивности, по мне прокатилась волна жара, смешанного с раздражением.

Не говоря ни слова, я расстегнул свою собственную рубашку, сбросил её на деревянный стул у стены — тот самый, что Джон вырезал прошлой осенью в долгие вечера. Затем, не сводя с неё глаз, одной рукой расстегнул ремень, с лязгом вытянув его из петель. Кожаный ремень мягко шлёпнулся о пол. Это был звук, разрывающий тишину. Звук, за которым должно было последовать нечто большее, чем просто обладание. Мы стояли на пороге, и теперь предстояло решить — переступить ли его, подчинившись простейшему сценарию, или попытаться найти что-то иное в этой тёмной, опасной игре, в которую мы все ввязались.

Громкий, свистящий звук расстегиваемой молнии моих джинсов разрезал напряжённую тишину комнаты, заставив Аманду вздрогнуть всем телом, будто от удара током. Тяжёлая ткань с глухим шуршанием соскользнула на пол, оставив меня стоящим перед ней в одних чёрных трусах, обтягивающих напряжённую, готовую к действию плоть. Она не смотрела на меня. Её взгляд был прикован к потолку, к трещине на балке, куда угодно, только не на меня. Она не видела старую, выцветшую татуировку на моей груди — военный символ, шрам прошлой жизни. Не видела голода в моих глазах, того первобытного, животного желания, что выжигало изнутри. Не видела, как мои руки, привыкшие рубить лес и ломать преграды, сжимаются в твёрдые кулаки, суставы белеют от натуги.

Меня захлестнула волна разочарования, горькая и едкая. Оно подпитывалось чем-то более тёмным, более густым — раздражением, обидой даже. После всех расчётов, планов, тщательного, пусть и сомнительного выбора... это было не то. Не та первая близость, о которой

смутно шептались какие-то глубинные, забытые инстинкты. Возможно, не в эту ночь. Не таким образом.

Она лежала неподвижно, как изваяние, её покорность была ледяной, безжизненной. В ней читалась не робость, а отрешённость. Как будто она заранее знала, что ничего, кроме физического дискомфорта и унижения, от этого акта не получит, и её единственной задачей было закрыть глаза и перетерпеть. Стерпеть нас.

И тут в мозгу что-то щёлкнуло. Возможно, ключ к этой замкнутой, спрятанной девушке лежал не в том, чтобы взять силой, а в том, чтобы доказать ей, что она ошибается. Ошибается в нас. Ошибается в самой возможности ощущения.

Я опустил на колени перед кроватью. Мои ладони, грубые и шершавые, обхватили её щиколотки. Кожа под пальцами была прохладной, бархатистой. Без слов, одним уверенным движением, я подтянул её к самому краю матраса, так что её бёдра оказались на весу. Аманда ахнула — короткий, перехваченный звук удивления, но не сопротивления. Её тело повиновалось инерции моего движения.

Я наклонился. Горячее дыхание моих губ коснулось тонкой хлопковой ткани её трусиков. Потом прикоснулся и рот. Я прильнул к ней сквозь материал, впитывая, пробуя. Даже сквозь преграду от неё исходил тёплый, сладковатый, чистый запах — смесь мыла, женской кожи и чего-то неуловимого, только её. Этот аромат ударил в мозг, как самый крепкий виски. Что-то щёлкнуло, сдвинулось с мёртвой точки. Чувство собственности, дикое и примитивное, вспыхнуло с новой, ослепительной силой, но теперь оно было смешано с чем-то иным — с азартом охотника, выследившего редчайшую добычу, с желанием не просто обладать, а сделать своей.

Уважаемый читатель! Если эта история задела какие-то струны в вашей душе, если вы хотите узнать, что ждёт Аманду и трёх суровых лесорубов в глубине гор, — поддержите автора лайком и подпиской. Их ваше внимание поможет истории развиваться дальше, открывая новые грани страсти, боли и неожиданного исцеления в самом сердце дикого леса. Спасибо, что вы с нами!

Глава 2

Мои пальцы зацепили край её белья и оттянули его в сторону, обнажая сокровенное. Нежная, розоватая плоть, влажная от моего дыхания, предстала передо мной. Совершенная и хрупкая.

Она не сопротивлялась, когда я провёл языком снизу вверх — от её сладкого, тайного отверстия до маленького, уже набухшего бугорка клитора. Не заныла, не отпрянула, когда я принялся вылизывать её с терпеливой, почти хищной настойчивостью, как голодный зверь, нашедший источник чистой воды. Она была тиха и неподвижна. Лишь когда я, не отрывая рта, медленно, с невероятной осторожностью ввёл внутрь указательный палец, её тело дрогнуло. Из горла вырвался стон — низкий, хриплый, глухой, будто рождённый где-то в самых потаённых глубинах. И мой собственный член, и так готовый лопнуть от напряжения, дёрнулся в ответ, будто получив прямое указание.

— Вот так, — низкий, рычащий бас Джона разорвал сосредоточенную тишину, звуча, как отдалённый гул бензопилы где-то в лесу. — Вот так. Просунь ещё пальцы в эту сладкую киску. Растяни её хорошенько.

Финн, который к этому времени уже разделся и стоял рядом, опустил на колени на кровать. Его большая, но осторожная рука протянулась к распущенным каштановым волосам Аманды. Она в ответ просто закрыла глаза, уходя в себя ещё глубже, полностью отстраняясь. Это отстранение вызвало во мне новый приступ... не злости, а решимости. Я ввёл внутрь ещё два пальца, растягивая её влажное, узкое нутро. Она сжалась вокруг моих пальцев внезапно и с такой силой, что я на миг потерял дар речи. Это был спазм, судорога... а затем началась пульсация — быстрая, ритмичная, неудержимая. Осознание ударило, как обухом: она кончила. Почти без участия, без страсти, почти машинально — но её тело откликнулось. Оно солгало её разуму. И это сводило меня с ума, наполняя странной, торжествующей нежностью.

— Она на таблетках, — коротко бросил я, больше для себя, вспоминая пункт контракта. Мы тоже прошли все проверки. Презервативы были ненужным барьером в этой игре. Всё, что оставалось — сбросить последнюю преграду и занять предназначенное место между её раздвинутых, теперь уже дрожащих от остаточных спазмов бёдер.

Когда я склонился над ней, её веки дрогнули и открылись. И я увидел её глаза. Настоящие. Не стеклянные, не пустые. Лесная зелень, точь-в-точь как цвет молодой хвои за окном моей спальни в лучах утреннего солнца. Знакомый и бесконечно чужой одновременно. Она быстро заморгала, сбивчиво, будто только что вернулась из очень далёкого путешествия и с удивлением обнаружила себя здесь, в этой комнате, под моим телом.

Я стянул с неё окончательно промокшее бельё, обнажив длинные, стройные ноги, и взял её руки в свои. Её ладони были холодными. Я прижал их к прохладному льняному покрывалу по бокам от её головы, зафиксировав. Мой член, тяжёлый и налитый кровью, упирался в её вход, чувствуя жар и влагу. Я замедлился. Не от нерешительности. Желание пожирало меня изнутри. Но это был бы первый раз. *Наш* первый раз. И мне внезапно захотелось растянуть этот момент, этот дикий, порочный, необъяснимый переход.

— Да трахни её уже, ради всего святого! — нетерпеливо рявкнул Джон, его тень колыхалась на стене.

И в этот момент Аманда приоткрыла губы. Казалось, она хочет что-то сказать. Шёпот, едва различимый, коснулся моего слуха.

— Что? — я наклонился ещё ближе, чтобы расслышать.

Она вдохнула, и её голос прозвучал чуть громче, хрупко и чётко, как треск тонкого льда: — У меня... никогда раньше не было оргазма.

Воздух вырвался из моих лёгких. Я застыл над ней, не в силах пошевелиться, будто она не произнесла слова, а медленно, намеренно вонзила мне между рёбер заострённый кол. Впервые за долгие, долгие годы я оказался в абсолютной прострации, безмолвный и оглушённый.

АМАНДА

Мужчина, возвышающийся надо мной, казался исполином, порождением самой горы, а не человеком. Карлос, мой бывший, был щедрым, с жилистым, костлявым телом и маленькими, жадными ручонками. Этот... Арон... был его полной противоположностью. Его грудь была такой широкой и мощной, что полностью перекрывала мне вид на комнату, становясь моим небом и горизонтом. Кожа, тёмная от солнца и ветра, была испещрена кружевом татуировок — тёмные линии, геометрические узоры, символы, смысл которых был мне недоступен. Они оплетали его плечи, бицепсы, предплечья, сливаясь в единую историю силы и, возможно, боли. Его живот был плоским и твёрдым, с чёткими пластами мышц, и тёмная дорожка волос вела вниз, к тому, что пульсировало между его бёдер. К члену такого размера и мощи, что мой разум отказывался верить в возможность его принятия. От одной мысли о нём внутри сжималось всё нутро — и от страха, и от какого-то тёмного, запретного любопытства.

Но я не могла оторвать взгляда от его лица. Коротко стриженные тёмные волосы с проседью на висках делали его суровым, почти жестоким. Кожа, потрескавшаяся от мороза и ветра, обтягивала крепкие скулы и твёрдую линию челюсти. Его глаза были тёмными, как ночной лес, и в них читалась непреклонная воля. Но губы... его губы сейчас были мягкими, влажными, блестящими от той влаги, что он только что подарил моему телу. Это было абсурдно, нелепо, но в какой-то глубинной, сломанной части меня зародилось дикое, стыдное желание — чтобы он поцеловал меня этими губами. Чтобы этот поцелуй был не частью сделки, а жестом, обращённым ко мне, Аманде, а не к телу, купленному на аукционе.

А ведь это был незнакомец. Человек, который по праву сильного и платёжеспособного мог делать со мной всё, что угодно. Однако мужчина, клявшийся в любви, раз за разом доказывал, что его любовь — это синяки на моих боках и страх в горле. И со временем я научилась отделять себя от того, что происходило между моих бёдер. Там была пустота, холод, отчуждение. Это место стало просто ещё одной частью тела, которую можно отдать, чтобы сохранить в целостности душу.

Так было. До этого мгновения.

Пока Арон не обрушил на меня ураган ощущений, о которых я не подозревала. Пока он не заставил меня увидеть не чёрную пустоту за веками, а взрывы золотых искр и спирали света. Пока он не наполнил мой мозг таким густым, сладким жаром, что я забыла, кто я, где я и зачем я здесь. Он вызвал во мне бурю так просто, будто нашёл потаённую кнопку и нажал на неё. И в этой буре растворился страх, испарилась память, осталось только чистое, ослепительное чувство.

Услышав моё признание, он замер. Его глаза, такие тёмные и всевидящие, расширились от неподдельного, почти детского изумления. Казалось, я сказала нечто невозможное, противоречащее всем законам его мира. Финн, сидевший рядом, перевёл растерянный взгляд с меня на Арона. А с края комнаты донёсся низкий, недовольный, рычащий звук от Джона — звук прерванной охоты.

В этот миг мне показалось, что моя душа наконец-то выскользнула из измученного тела и парит под потолком. Я смотрю сверху на эту сцену: на себя, лежащую на простой, но чистой кровати в комнате, которая, несмотря на грубость, излучает странное, необъяснимое тепло. На троих огромных мужчин, чьи намерения были сомнительны, но чьи прикосновения в этот миг были... иными. И я понимаю парадокс: я боюсь их меньше, чем того, кто жил со мной под одной крышей и чья любовь оказалась самой изощрённой пыткой.

Отрешившись, паря в этом странном спокойствии, я смогу принять вторжение. Я смогу сдерживать дыхание, не давая ему превратиться в рыдание. Смогу унять бешеный стук сердца, приказывая ему биться ровно и тихо. Я смогу пережить это. Как переживала всё остальное. Это была всего лишь цена. Цена за звёзды, которые я на мгновение увидела. Цена за ту хрупкую, дикую надежду, что, возможно, в этой глуши, с этими странными мужчинами, я найду не только рабство, но и какое-то иное, непонятное пока спасение.

Время застыло, растянувшись в тягучую, невыносимую паузу. Арон замер надо мной, и в его тёмных глазах бушевала настоящая буря. Я видела, как он колеблется, разрывается между инстинктом, долгом по контракту и чем-то ещё, что вспыхнуло после моих слов. Его мускулы напряглись, словно от боли. Затем со стороны раздалось грубое бормотание Джона — что-то о том, что пора бы уже вмешаться и показать, как доводить дело до конца. Эти слова, как удар хлыста, вернули Арона в реальность. В его взгляде снова появилась та самая стальная решимость, но теперь в ней читалась какая-то новая, сложная нота.

Между моих ног всё ещё пульсировало влажным теплом, оставленным его ртом и пальцами. Но прикосновение его члена, толстого и неумолимого, всё равно ощущалось как чуждое вторжение. Он вошёл медленно, с почти невероятной для такого крупного мужчины чуткостью. Глубоко, но не рывком — а постепенно, давая моему телу приспособиться к его размерам. Он отступал и снова наступал, погружаясь всё глубже и глубже, пока внутри не разлилась тупая, растягивающая боль, смешанная с непривычным чувством наполненности.

Наши тела были соединены. Мой взгляд скользнул по его шее, где татуировка в виде копья, выцветшая от времени, тянулась от ключицы к самому уху. Я видела, как под тонкой кожей пульсирует его кровь, чувствовала, как бьётся его сердце — быстрее, чем должно бы у такого владеющего собой человека. Он двигался ритмично, мощно, как океанский прибой, неотвратимо накатывающий на берег. Его руки, всё ещё сжимающие мои запястья, были железными тисками, но бёдра двигались с какой-то почти хищной грацией. Он не просто входил и выходил — он вращался внутри, находил такие углы, от которых мир расплывался, а я чувствовала, что вот-вот развалюсь на миллион осколков и исчезну в этом водовороте ощущений.

— Чёрт... — вырвалось у него хрипло, когда моё тело, предав меня, снова накрыла волна оргазма, дикого и неконтролируемого. Он ускорился, подхваченный этими спазмами.

Я не могла дышать. Не могла думать. Я была просто телом, оторванным от разума, живущим своей собственной, животной жизнью. Я была мягкой, податливой плотью, которую этот мужчина разрывал на части, а потом собирал заново по своей прихоти. Он владел мной теперь — от кончиков онемевших пальцев ног до спутанных, прилипших к вискам волос.

Карлос... Карлос любил делать это перед зеркалом. Любил наблюдать, как на моём лице отражается боль и отвращение, как он выжимает из моего тела подобие реакции, которую можно было счесть за удовольствие. Я никогда не притворялась, что мне это нравится. Но его это, кажется, никогда не волновало.

Арон же смотрел мне прямо в глаза. Когда его движения стали резче, отрывистее, когда его тело напряглось в последнем, мощном толчке, он не отвёл взгляда. Его стон, низкий и сдавленный, был стоном подлинного, ничем не прикрытого удовольствия. И в этом был какой-то страшный, искушающий парадокс.

Закончив, он отшатнулся, будто его отбросило током. Разжал мои запястья. Его руки опустились, и он опёрся на них, стоя на коленях, его могучие плечи тяжело вздымались. Дыхание было хриплым, прерывистым.

И тут Филл, всё это время тихо наблюдавший, наклонился надо мной. Его лицо оказалось так близко. Голубые, как летнее небо после грозы, глаза смотрели на меня с таким неподдельным, почти детским восхищением, что в памяти всплыло давнее чувство — то головокружительное падение на спину в густую траву в детстве, когда мир кружился, а небо было

бесконечно глубоким. Сейчас у меня тоже кружилась голова. Его белокурые кудри, мягкие и непослушные, упали на лоб, создавая обманчиво ангельский образ.

— О, Аманда... — прошептал он, и я не поняла, был ли это вопрос, восклицание или просто вырвавшееся из груди слово, за которым нет других.

Он наклонился, и его губы коснулись моих. Я замерла, ожидая грубости, требования. Но его поцелуй был мягким, вопрошающим. Он не спешил, словно пробуя на вкус, дразня, но не настаивая. Моя голова закружилась сильнее, и я почувствовала, как проваливаюсь в эту новую бездну — сладкую, опасную и такую притягательную. Мне уже не было ясно, нужно ли этому сопротивляться.

Его пальцы, неуклюжие, но бережные, возились с пуговицами на моей огромной рубашке, пока та не расстегнулась, обнажив грудь. Его губы обожгли один сосок, потом другой, превратив их в твёрдые, влажные точки. По телу пробежали разряды тока, заставившие выгнуться спину. Его руки исследовали мои бока, талию, бёдра, разминали кожу, словно я была глиной, из которой он хотел вылепить что-то прекрасное и своё.

Затем он без усилий усадил меня к себе на колени, как будто я невесома. Прижал к своей широкой, тёплой груди. От него пахло хвойным лесом, корицей, древесной смолой и чистым зимним воздухом. Он зарылся лицом в изгиб моей шеи, глубоко вдыхая мой запах, и тихий стон удовольствия вырвался из его груди.

Я легко скользнула на его готовый член. Арон уже подготовил моё тело, и оно, предательски, открылось для нового вторжения. Мне не нужно было двигаться — руки Филла направляли меня, поднимали и опускали, задавая ритм, беря то, что он хотел. Его ладони крепко держали меня за бёдра, прижимая к себе, пока он входил в меня глубоко и мощно, как отбойный молоток, разбивающий лёд.

В его объятиях я чувствовала себя крошечной, незащищённой куклой. Невесомой, но почему-то бесконечно нужной. Я была отчаявшейся женщиной, потерявшей контроль над собственной жизнью, но в эти мгновения казалось, что именно я свожу с ума этих сильных мужчин, доводя их до состояния полной, животной беспомощности.

— Ты такая... невероятная, — выдохнул он, и его губы снова нашли мои. Его язык проник в мой рот, и я снова потерялась, растворилась в этом странном, порочном симбиозе.

Это не должно быть приятно, — отчаянно твердил я себе где-то на задворках сознания. *Я сказала, что выдержу всё ради Элли. Я смогу перетерпеть что угодно, если буду помнить о цели. Я буду лежать и думать о чём-то другом, буду пассивным инструментом...*

Но что-то пошло не так. И я не понимала, почему мое собственное тело так легко и так страшно предало все мои установки.

— Аманда... — моё имя на его губах пронзило туман в голове. — О, детка...

И я снова кончила, обмякнув в его руках, когда он, срываясь на крик, откинулся на одеяло, увлекая меня за собой в беспорядочном падении.

— Хорошо. Теперь я, — хриплый голос Джона прозвучал прямо над ухом, и сильная рука обхватила мою талию, отрывая от Филла.

Член Филла выскользнул из меня, и по внутренней стороне бедра потекла тёплая, липкая струйка — смесь нашей общей влаги и его семени.

Меня перевернули и грубо уложили на живот. Мозолистые, шершавые ладони Джона сжали мои запястья, скрутили их за спиной. Раздался знакомый лязг пряжки, кожаный ремень — чей, Арона или его собственный, я не знала — туго обхватил мои руки. Паника, холодная и острая, сжала горло. Я закрыла глаза, пытаюсь снова уйти в себя, отделиться, уплыть.

Джон приподнял мои бёдра, встав на колени позади. Его пальцы грубо вторглись в меня, исследуя, словно проверяя, не осталось ли внутри следов других. Я стиснула зубы, но когда его большой палец нашел перевозбуждённый, невероятно чувствительный клитор, во мне

вырвался сдавленный крик. Это было слишком. Боль от оголённых нервов смешивалась с пронзительным, невыносимым удовольствием.

Пальцы сменил его член. Он вошёл одним резким, безжалостным движением, как таран, ломающий ворота. И это вторжение, грубое и окончательное, стало триггером. Волна оргазма накрыла меня с такой силой, что ноги подкосились, и я рухнула бы лицом в подушку, если бы не его рука, могучая и несгибаемая, которая легла под мой живот, удерживая на весу. Он продолжал двигаться, поддерживая моё беспомощное тело, пока его собственный рык не возвестил о новой разрядке, о новом потоке тепла, наполняющем меня до краёв.

По моим щекам текли слёзы. Не от боли. А от невозможности скрыть, как моё же тело откликалось на этих мужчин. Как оно разбивалось на осколки от их прикосновений, а потом собиралось заново, уже другим, уже не совсем моим. Лицемерная нежность Карлоса, его притворные эмоции оказались куда страшнее этой откровенной, первобытной грубости.

По крайней мере, здесь я знала правила. Знала, чего от меня ждут. Если это было их худшее — я могла это пережить. Год. Всего год.

«Тебе это нравится», — прошептал тихий, предательский голос в глубине сознания. Он одновременно шокировал и успокаивал. Боже, неужели я мазохистка? Разве это нормально? Тревога смешивалась с ошеломляющим откровением: я кайфовала от этого. И не хотела сопротивляться. А потом приходило горькое понимание: это ненормальность — не моя вина. Это он, Карлос, сделал меня такой. Искалечил так, что только грубая сила и откровенное использование стали для меня языком, на котором моё тело училось чувствовать.

Джон вышел из комнаты, не сказав ни слова. Филл, его лицо было странно серьёзным, развязал ремень на моих запястьях, потёр занемевшую кожу и накрыл меня одеялом, подоткнув края. Арон всё это время стоял в тени у стены, его лицо было скрыто, но я чувствовала на себе тяжесть его взгляда.

В комнате повисло гулкое, многозначительное молчание. Я не знала, что говорить. Какие слова могли быть уместны после этого?

— Спокойной ночи, Аманда, — тихо сказал Филл. Он ждал ответа, но я лишь прикрыла глаза. Через мгновение я услышала, как мягко закрылась дверь, оставив меня наедине с собой.

Я лежала, уставившись в стену, выкрашенную в простой, слегка желтоватый белый цвет. В углах, куда не доставал свет от печи, клубились густые тени. Я натянула одеяло с головой и свернулась калачиком, стараясь стать как можно меньше. За дверью я слышала приглушённые шаги, скрип половиц, низкий гул мужских голосов. Они были там. И этот год только начался.

Слёзы снова подступили к горлу, жгучим, солёным комом. Но я сжала веки. Нет. Я не буду плакать. Не сейчас. Не здесь.

Дверь за спиной Джона закрылась с глухим, окончательным щелчком. В наступившей тишине стал слышен треск догорающих в печке поленьев. Филл наклонился ко мне, и в его движениях не было спешки, только какая-то утомленная аккуратность. Пряжка ремня, холодная и незнакомая, щелкнула, освобождая моё запястье. Кожа под ней горела, и я бессознательно потерла её пальцами, ощущая вмятины от кожи и металла. Потом его большие, грубоватые руки, пахнувшие деревом и мылом, поправили сбившееся одеяло, натянув его до самого моего подбородка. Этот жест был неожиданно бережным, словно он укутывал что-то хрупкое.

Я знала, что Арон там, у стены, за спиной Фила. Его молчание было густым и плотным, как смола. Он не двигался, растворяясь в полумраке комнаты, где свет от камина выхватывал лишь край бревенчатой стены да пылящийся подоконник. Я не видела его лица — только смутный, мощный силуэт, в котором читалась вся его медвежья, подавляющая сила. Но я чувствовала его взгляд. Он был тяжелым и пристальным, будто физически давил на одеяло.

Тишина между нами росла, пульсируя в такт моему учащенному сердцебиению. Она заполняла комнату, становясь почти осязаемой. Что можно сказать в такой момент? «Спа-

сibo»? «Прощай»? Слова казались беспомощными и фальшивыми, крошечными камешками, которые бессмысленно бросать в бездну этого неловкого, тягостного прощания.

— Спокойной ночи, — голос Фила прозвучал тихо, почти отечески. Он сделал паузу, ожидая ответа, которого не последовало. Воздух между нами сгустился от невысказанного. Затем он выдохнул — не вздох, а скорее тихий, усталый звук — и развернулся. Его шаги, мягкие в войлочных тапочках, слились с шагами Арона, чьи тяжелые сапоги глухо отдавались по полу. Дверь закрылась с едва слышным скрипом петли, оставив меня в ловушке четырех стен.

Комната, на которую я до этого почти не обращала внимания, теперь предстала передо мной во всех своих деталях. Стены были выкрашены в тот самый грязновато-белый цвет, который бывает у старого снега у дороги. В углах, куда не добирался оранжевый свет огня, клубились сизые тени, живые и пугающие. Я натянула одеяло с головой, создав маленький, душный кокон, и свернулась калачиком, подтянув колени к груди. Сквозь толщу дерева и шерсти я все равно чувствовала их присутствие. Мужчины. За дверью. В этом доме. В этой глуши. Их молчаливая мощь висела в воздухе, как предгрозовая тяжесть.

Слезы, горькие и едкие, подкатили к горлу, обжигая его изнутри. Но я сжала зубы. Плакать было роскошью, на которую у меня не было прав. Никто здесь не ждал моих слез, никто не стал бы утирать их и шептать утешения в волосы. Слезы были бесполезны. Они ничего не меняли, только высасывали последние силы. Я зажмурилась, пытаюсь заставить сон прийти, но тело отказывалось слушаться. По венам все еще бежал ледяной адреналин, заставляя мышцы подрагивать мелкой дрожью.

В конце концов, я сбросила одеяло и села на краю кровати. Прохладный воздух комнаты обжег кожу. Я запахнула края чужой, слишком большой рубашки и, соскользнув на пол, нашла на потертых половицах свое белье. Ткань была холодной и влажной. При движении из меня вытекло еще немного липкой, чужеродной жидкости, и я инстинктивно сжала бедра, пытаюсь остановить этот стыд. Я вытерлась трусиками, как могла, — жесткий, практичный и унижительный жест.

Потом увидела у стены сумку — ту самую, с вещами от Арона. Я аккуратно положила испачканное белье внутрь. Это будет моя временная корзина. Завтра, если не найду в этом срубе ни душа, ни стиральной машины, придется стирать вручную, в тазу с колодезной ледяной водой. Я огляделась. Хижина была простой, брутальной, но не лишенной странных следов заботы. Раньше я их не замечала, слишком оглушенная страхом.

Теперь же мой взгляд уловил детали: глиняную вазу причудливой формы на комод, пучок засушенных полевых цветов в ней. Мягкие, лоскутные подушки, украшавшие изголовье кровати — явно не мужская работа. И коврик. Он лежал с одной стороны кровати, точно там, куда должны были ступить мои босые ноги утром. Кто-то беспокоился, чтобы они не замерзли о холодный пол. Вся эта картина — три грубых лесоруба, пытавшихся создать уют для незваной пленницы, — была нелепой и тронула что-то глубоко внутри. Это мог быть только Филл. Его прикосновения, в отличие от других, несли в себе не только силу, но и какую-то неуклюжую осторожность.

Я прошла босиком по комнате. Пальцы наткнулись на спинку деревянного стула в углу. Поверхность была идеально гладкой, отполированной руками и временем, теплой от жилого тепла дома. Стул был сделан вручную, я в этом не сомневалась. Прекрасная, надежная работа. Чья? Джона с его яростной концентрацией? Арона с его медвежьей силой? Или все-таки Фила?

Я разложила на комод вещи, купленные Ароном. Простые, но качественные. Джинсы, фланелевые рубашки, теплые носки. И нижнее белье. Все, к моему изумлению, идеально подошло по размеру. Как? Как человек с такими руками, которые, казалось, созданы для того, чтобы валить деревья или ломать ребра, мог так точно угадать размеры незнакомой женщины? Он купил даже средства гигиены, аккуратный, нейтральный пакетик, спрятанный среди всего

остального. Мне вдруг представилось, как этот гигант, смущенный и хмурый, стоит у кассы с этой скромной пачкой в руках, а кассирша с любопытством на него смотрит. Я покачала головой, отгоняя этот почти нелепый образ.

Подкравшись к двери, я прижалась ухом к прохладному, гладкому дереву. Дом затаился, погруженный в сон. Только старое здание поскрипывало порой, укладываясь на бок. Я слушала так долго, что в ухе заныло, а шея затекла. Убедившись в тишине, я осторожно надавила на ручку. Дверь открылась беззвучно, будто меня ждали.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывай ставить звездочки и подписываться на автора!

Прода будет выходить через день!

Глава 3.

АМАНДА

В просторной гостиной-кухне царил полумрак. Лишь слабый лунный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на полу серебристые прямоугольники. Я кралась, как тень, вглядываясь в очертания мебели, превратившиеся в ночных чудовищ. На кухне у раковины стоял перевернутый стакан. Я наполнила его ледяной водой прямо из-под крана и выпила залпом, потом еще один. Жажда была ненастоящей, это тело пыталось смыть что-то другое, но вода лишь леденящей тяжестью осела в пустом желудке.

Справа высился массивный, старомодный холодильник. Рука сама потянулась к ручке. Кусок хлеба. Хотя бы кусок хлеба. Но в тот миг, когда пальцы коснулись холодного металла, тишину за моей спиной рассек голос. Негромкий, низкий, без интонаций.

«Что ты ищешь?»

Я вздрогнула, обернувшись. Джон стоял в двух шагах. На нем были только свободные темные шорты, низко сидевшие на бедрах. В лунном свете его торс, испещренный тенями от рельефных мышц, казался высеченным из мрамора — живым, дышащим изваянием нечеловеческой силы. Его волосы, обычно собранные, теперь длинной, светлой гривой спадали на плечи, но эта почти женственная мягкость лишь подчеркивала дикую, животную мужественность. Губы, скрытые светлой щетиной, были плотно сжаты. Руки, способные, я знала, на страшную жестокость, просто висели вдоль тела. Он дышал ровно, и в его позе не было угрозы, только настороженность и... усталость.

«Я... я сегодня ничего не ела», — выдавила я из себя, голос прозвучал сипло и чужим.

Он выдохнул резко, через ноздри, и сделал шаг вперед. Я инстинктивно отпрянула, прижавшись спиной к холодильнику. Вся память тела кричала о боли, о резких движениях, за которыми следовала расплата. Но Джон замер. Он не просто остановился — он весь съежился от этого моего жеста. Его взгляд метнулся куда-то вверх, на потолок, будто ища там ответа, потом медленно, почти нехотя, вернулся ко мне. В его глазах, обычно таких жестких, мелькнуло что-то сложное: досада, раздражение и... понимание? Он увидел не просто испуг, а отпечаток чужой жестокости, и это заставило его отступить.

«Бери. Что хочешь. Поешь и ложись спать», — проговорил он отрывисто и развернулся. Я смотрела, как он уходит: широкие лопатки, играющие под кожей при ходьбе, эта размашистая, уверенная поступь хозяина своей земли. Он был похож на какого-то забытого бога с гор — сурового, непоколебимого, но живущего по своим, не всегда понятным законам. Он увидел страх и... отступил. Эта мысль теплилась в остывающем ужасе.

Я быстро схватила хлеб, масло, кусок сыра, сделала толстый, нелепый бутерброд и почти бегом вернулась в свою комнату. Там, дрожащими руками, я нашла свои старые джинсы, сунула руку в потайной кармашек и вынула сверток — лоскуток ткани с вышитым цветком. Внутри лежала крошечная, потрепанная фотография. Я поднесла ткань к лицу, вдыхая. Запаха Элли уже не было, только пыль и старая ткань. Но я смотрела на снимок, на ее улыбку, закрывала глаза и до мельчайших деталей воссоздавала ее образ в памяти: смех, веснушки на носу, как она заплетала мне волосы. Сердце разрывалось пополам: одна половина билась здесь, в этой чуждой комнате, борясь за выживание, другая осталась там, в прошлом, скованная всей той любовью, что теперь превратилась в боль. Сшить его воедино могло только одно. Терпение. И храбрость. Та самая храбрость, которую, кажется, видел во мне Филл.

Я завернула сокровище обратно и, отыскав самый дальний угол верхнего ящика комода, спрятала его там, под стопкой носков. Только после этого, устроившись под тяжелым одеялом, я позволила глазам закрыться. Сон нашел меня не сразу, но он пришел.

ФИЛЛ

Обычно я просыпаюсь под симфонию леса: пересвист ранних птиц, шорох ветра в кронах, далекий стук дятла. Но на этот раз что-то вырвало меня из сна раньше — какое-то внутреннее беспокойство, тихая струна напряжения, натянутая с вечера. Я лежал, вдыхая знакомый ночной запах сруба — смолу, старую древесину и слабый, едва уловимый след дыма от печки.

Потом его перебил другой, более властный аромат — густой, горьковатый, земной. Кофе. Арон уже встал и, как заведено, начал свой день с этого ритуала. Мои мысли тут же, помимо воли, метнулись к ней. К Аманде. Хорошо ли она спала? Не было ли ей холодно под тонким одеялом? Не давили ли на нее стены этой комнаты, ставшие внезапно и тюрьмой, и убежищем? Я старался, подкладывая тот коврик, ставя вазу с сухоцветами, которые собирала еще моя мать... Но могло ли это хоть как-то смягчить удар ее нового мира?

Я быстро оделся и вышел в коридор, наступая только на знакомые, «тихие» доски, избегая скрипучих. Полужизнь дома в предзвездных сумерках была мне знакома до мелочей. Как я и предполагал, Арон стоял у плиты, держа в ладони огромную кружку, из которой валил пар. Его кофе был черным как смоль и крепким настолько, что, шутили мы, в нем можно было закрепить гвоздь.

Но рядом с ним, у открытой дверцы холодильника, замерла фигура, от которой у меня на мгновение перехватило дыхание. Аманда. В той самой длинной ночной рубашке, которую, я не сомневался, смущаясь, выбрал для нее Арон. Ткань была мягкой, в мелкий цветочек, но на ее худеньких плечах и призрачной в этом свете фигурке она выглядела не просто домашней, а unbearably хрупкой. Как ребенок, забредший в логово медведей и пытающийся вести себя как взрослый.

Арон кивнул мне, и я в ответ поднял подбородок. Мы молча уселись за массивный кухонный стол, наблюдая за ней краем глаза. Она изучала содержимое холодильника с сосредоточенностью ученого.

«Давно вышла?» — тихо спросил я.

Арон пожал могучими плечами, и на его обычно невозмутимом лице промелькнуло легкое недоумение. Значит, она поднялась первой. Раньше всех. В чужом доме.

Через мгновение она подошла к столу и без слов поставила перед каждым из нас по тарелке. На них лежали ломти хлеба, густо намазанные маслом и домашним вишневым джемом, который я варил прошлой осенью. Арон, любитель яичницы с салом, удивленно поднял бровь, но я лишь слегка улыбнулся. Она старалась. Была полезной. Искала свое место.

— Спасибо, Аманда, — сказал я мягко, ловя ее взгляд. — Как спалось?

Арон, откусивший в этот момент огромный кусок хлеба, резко закашлялся. Он схватил свою кружку, сделал гигантский глоток обжигающего кофе и, с трудом проглотив, хрипло встал: — Ради всего святого, Филл. Да перестань ты! Она же не гостья на курорте. Она здесь... чтобы работать. И все.

Аманда замерла. Ее взгляд мгновенно опустился в пол, плечи слегка сторбились, словно от привычного удара. Но потом, буквально на моих глазах, что-то изменилось. Она сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев, сделала короткий, глубокий вдох и подняла подбородок. В ее глазах, еще секунду назад наполненных смущением, вспыхнул тот самый огонек — не ярости, а твердой, непоколебимой решимости. Той самой, что я видел прошлой ночью, когда она, вся в слезах и боли, смотрела в стену, отказываясь дать им волю.

У этой хрупкой девушки, оказалось, стальной стержень внутри. И видя это, я понял, что все наши простые представления о ней — пленница, работница, проблема — были неверны. Она была чем-то гораздо большим. Выживальщицей. Бойцом. И это меня одновременно восхищало и заставляло чувствовать странную, почти отцовскую гордость, смешанную с острой тревогой.

Повисла короткая, но густая пауза после слов Арона. Воздух в кухне, напоенный запахом кофе, хлеба и дерева, внезапно показался мне слишком плотным, слишком мужским. Взгляд Аманды, упавший в пол, был красноречивее любых слов. Я почувствовал, как во мне закипает что-то горячее и твердое — не злость на Арона, нет, он был прямолинеен, как топор, и я понимал его логику. Скорее, это был протест против той бесчеловечной схемы, в которую мы сами же и загнали себя. Она была здесь, среди нас. Это уже меняло всё.

— Ты ела, Аманда? — спросил я, намеренно сделав голос тише и мягче, контрастируя с грубоватой прямоотой Арона. Я не позволю никому, даже брату по духу, запугать меня или заставить забыть о простой порядочности. Она должна поест, черт возьми. Может, она и не гостя в привычном смысле, не дама, приглашенная на чай. Но мы взяли на себя ответственность. Ее судьба сейчас переплетена с нашей. И эта ночь, первая в чужом доме, среди чужих мужчин, наверняка стоила ей невероятного напряжения всех сил.

Она кивнула, коротко и неуверенно, все еще не поднимая глаз. Арон лишь покачал головой, и в этом движении читалось все: «Безнадежный идеалист. Сентиментальный дурак». Для него мир был четко поделен на зоны: работа, долг, контроль. Излишняя, не прописанная в контракте доброта казалась ему слабостью, нарушением хрупкого баланса, который мы с таким трудом выстроили. Именно на этой суровой, лишенной сантиментов почве мне удалось когда-то убедить его и Джона согласиться на эту авантюру. Но теперь, глядя на то, как Аманда съезжается, я понимал, что любая теория разбивается о реальность живого, испуганного человека.

Мы быстро доели, и я залпом осушил кружку кофе, который она налила мне — с молоком и двумя ложками сахара, как я люблю. Она заметила. Этот маленький, ни к чему не обязывающий жест тронул меня до глубины души. Как только последний кусок хлеба исчез, Арон отодвинул свой стул с оглушительным скрежетом, резанувшим по утренней тишине.

— Джон уже грузит снарягу. Пойдем! — бросил он, вставая во весь свой исполинский рост. Он был прав. Лес ждал, работа не терпела. Солнечные лучи уже золотили верхушки кедров за окном.

— Можно я... можно я выйду с вами? — голос Аманды прозвучал тихо, но в нем слышалась стальная нить отчаяния. Она боялась остаться одна. В этом огромном, потрескивающем срубе, затерянном в безмолвии леса, который для непривычного уха полнился не пением птиц, а неясными шорохами, скрипами и чувством абсолютной, подавляющей изоляции. Я бы на ее месте нервничал не меньше.

— Быстро переоденься. Ждем у двери, — сказал я, не глядя на Арона, чувствуя, как его молчание стало тяжелым и неодобрительным. Он, наверное, уже представлял, как заставит ее таскать тяжеленные чурбаки или чистить инструменты. Раз уж она здесь «работать», пусть работает по-настоящему.

Минут через пять она появилась на пороге. Джинсы сидели на ней аккуратно, новые ботинки выглядели немного неуклюже, а синяя клетчатая рубашка, накинутая поверх простой белой майки, делала ее похожей на юного, заблудившегося скаута. Волосы были стянуты в высокий, упругий хвост, который покачивался при каждом ее шаге, выдавая внутреннюю решимость. Джон, застегивавший ранец у двери, на секунду замер, его взгляд скользнул по ней, он слегка приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать, но лишь откашлялся, резко развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Мы двинулись по тропе, вьющейся меж могучих стволов. Я наблюдал за Амандой краем глаза. Она шла, широко раскрыв глаза, словно пыталась впитать в себя весь этот мир. Ее взгляд скользил по мохнатым гигантам-кедрам, упирался в колонны солнечного света, пробивавшиеся сквозь кружево хвойных лап, замирал на причудливых узорах мхов и папоротников у корней. Она была так мала среди этого вечного, величественного величия — хрупкий тростник в каменном лесу. Арон шел впереди, его мощная спина была напряжена, руки болтались по

бокам, сжатые в привычные кулаки даже в состоянии покоя. Он был мне братом, я знал каждую его гримасу, но для нее он, должно быть, казался самой сутью дикой, недружелюбной силы.

Я пристроился рядом с ней, и мы шли молча, слушая, как хрустит под ногами прошлогодняя хвоя. Она глубоко, с наслаждением вдыхала воздух, напоенный ароматом смолы, влажной земли и какой-то невероятной, ледяной чистоты. И я вдыхал вместе с ней, заново открывая для себя эту знакомую до боли красоту через призму ее изумления.

Мне дико захотелось взять ее за руку. Просто так. Чтобы тонкие, холодные пальцы согрелись в моей ладони. Чтобы она почувствовала, что не одна. Но я сжал свою руку в кармане. Нет. Она здесь не для этого. Не для прогулок за руку под сенью кедров. Она подписала контракт ради денег, а не для того, чтобы стать объектом сентиментальных фантазий изголодавшегося по теплу лесоруба. Я должен был четко держать это в голове. Влюбляться в нее — было верхом глупости и предательства по отношению ко всем нам, к нашей договоренности. Она здесь, чтобы... удовлетворять потребности. Сухая, жесткая формулировка вдруг вызвала во мне тошнотворный протест.

И все же, почему это желание — обнять ее, прикрыть своим телом от всего грубого мира, заслонить от любых взглядов — било во мне такой настойчивой, горячей волной? Она, словно уловив вибрацию моих мыслей, обернулась. И улыбнулась. Неярко, застенчиво, уголки губ дрогнули лишь на мгновение, а взгляд тут же убежал в сторону, смущенный. Но этого было достаточно. В этой улыбке, в этой мгновенной, искренней реакции было что-то такое... человеческое. Такое хрупкое. Ее красота не была броской — она была тонкой, почти эльфийской: бледная, прозрачная кожа, вздернутый нос, губы нежной, розовой дугой, похожие на едва распустившийся бутон полевого цветка. И в этой хрупкости таилась своя, тревожная чувственность.

Она снова почувствовала мой взгляд и на этот раз встретила его. И снова — эта робкая, быстрая улыбка. Между нами что-то возникло. Невидимая нить, тонкая, как паутина, но уже существующая. И это пробудило во мне что-то глубокое, давно забытое — не просто влечение, а жгучую потребность защищать, опекать. Зачем она здесь? Что гнало ее в эту глушь, на такие условия? Деньги? Да, скорее всего. Но в ее глазах, когда она смотрела на лес, была не только растерянность, но и жажда. Как будто и она, как и мы когда-то, искала здесь спасения от чего-то. Убежища.

Гул голосов и рокот техники ворвался в лесную тишину, постепенно нарастая. Мы вышли на опушку, на край огромной поляны, уже обжитой людьми. И первое, что я увидел, — Джон. Он уже был здесь, отдавал распоряжения, его фигура, даже на расстоянии, излучала концентрацию и усталость. Он всегда приходил первым. Порой мне казалось, что он вообще не спит, что ночью он просто замирает, как охотничий волк, вполуха прислушиваясь к темноте. Вид у него был изможденный, и это постоянное напряжение в нем тревожило меня. Он заметил наше приближение, и его взгляд, холодный и острый, как стальное лезвие, на мгновение задержался на Аманде, прежде чем метнулся ко мне. В нем читалось неодобрение, четкое и ясное: «Зачем привел?»

Наши ребята обернулись. Ниро, Марк, Эрик, Итан... Я поднял руку в немом приветствии, и на секунду меня охватило странное ощущение. Не то чтобы враждебность, нет. Скорее — пристальное, оценивающее любопытство. Как будто я подвел к стае что-то новое, незнакомое, и теперь все ждали, как отреагирует вожак. Аманда застыла на месте, будто вросла корнями в землю. Она чувствовала это. Чувствовала тяжесть десятка мужских глаз. Свежий лесной воздух внезапно стал густым, обжигающим, его было трудно вдохнуть полной грудью. Она сделала маленький, почти незаметный шаг назад, инстинктивно ища укрытия за моей спиной. Я неосознанно придвинулся ближе, создавая ей хоть какую-то защиту.

— Опаздываешь, братан! Или мне лучше не спрашивать почему? — Ниро снял каску и встряхнул головой, отчего его темные, растрепанные волосы рассыпались по лбу. Его глаза,

всегда живые и насмешливые, сейчас блестели откровенным интересом. — Кого это ты к нам привел? Красотку, что ли?

Он был грубоват по натуре, шутки его были прямолинейны, и для Аманды он, должно быть, казался таким наглым, пугающим существом из другого мира.

— Спокойно, зверюга! Девушка занята. Да и ты, между прочим, тоже! — Марк, его брат, встрял со своей неизменной, слегка циничной усмешкой. — Давай, возвращайся в свою клетку, пока тебя не усмирили! — Послышался сдержанный смех. Марк и Ниро, братья итальянского происхождения, были двумя полюсами одной силы — один открытый и напористый, другой — сдержанный и наблюдательный.

— Хватит глазеть. Объем на сегодня большой, — раздался спокойный, твердый голос Эрика. Самый старший, наш неформальный заместитель, уравнивающая сила. Без его мудрой сдержанности и трезвого взгляда наша разношерстная команда, этот клубок тестостерона и амбиций, давно бы развалилась или перегрызла друг другу глотки. В любой группе мужчин быстро выстраивается иерархия, просыпается стайный инстинкт. Им нужен умный, спокойный лидер, который сможет направить эту дику энергия в дело, а не в драку.

И тут от группы отделился Итан. Высокий, жилистый, с вечным запахом перегара и немытого тела, от которого за версту разило озлоблением и пофигизмом. Зачем мыться, если ближайший бар — в тридцати минутах езды по ухабистой дороге, а шансы уехать оттуда не в одиночестве — мизерные? Он неуклюже подошел, и его тень накрыла нас.

— Что, Филли-бой, свой кусок от стаи отгрызаешь? Не поделишься добром? — Его голос был силовым, скрипучим. Он неожиданно рванул вперед, его грязная, сильная рука впиалась в запястье Аманды, а другой он грубо задел ее грудь, резко притягивая к себе. От него пахло перегаром, потом и чем-то затхлым. Аманда вскрикнула — коротко, испуганно — и рванулась назад. Он отпустил ее с такой же внезапной жестокостью, отчего она потеряла равновесие и упала на колени, успевшись руками о землю. Итан захохотал — низко, гулко, и в этом смехе не было веселья, только злоба и глумление.

Я не думал. Тело среагировало раньше сознания. Один шаг вперед, короткий, сбивающий удар кулаком в солнечное сплетение — не в челюсть, чтобы не покалечить, а именно туда, где боль парализует и лишает дыхания. Итан согнулся пополам с булькающим стоном и осел на землю.

Я развернулся, не глядя на него, и протянул руку Аманде. Она схватила ее, цепко, как утопающий, и я поднял ее на ноги. Она вся дрожала, глаза были невероятно широки, в них плавал ужас, а по щекам уже катились беззвучные, постыдные слезы. Она отвернулась от всех, и в ее позе — ссутуленные плечи, втянутая в них голова — читалось желание исчезнуть, раствориться.

— Уведи ее отсюда! — рявкнул Джон. Его голос, как удар хлыста, прорезал воздух. Мне не нужно было повторять дважды.

Позади нас поднялся вой — это Итан пришел в себя и начал буйствовать, сыпля проклятиями. Я слышал, как тяжелые шаги Джона приблизились к нему, как его голос, низкий и опасный, прошипел что-то неразборчивое, но полное такой ярости, что даже у меня похолодело внутри: «...свои чертовы руки... при себе...»

— Давайте, ребята, разойдемся! Так мы до ночи ничего не сделаем, а я сегодня задерживаться не намерен, — снова вмешался Эрик, его спокойный бас звучал как приказ к рассеиванию. Он умел гасить даже вспышки Джона, находить нужные слова.

Я положил руку Аманде на спину, мягко подталкивая ее прочь от поляны, обратно в зеленый сумрак леса. Она шла быстро, почти бежала, опустив голову, съежившись. Она казалась теперь не просто маленькой, а бесконечно одинокой, затерянной, и даже величественные деревья вокруг выглядели не защитой, а стеной, отделяющей ее от всего привычного и безопасного. Я догнал ее и осторожно положил руку ей на плечо, замедляя этот бег отчаяния.

— Спасибо, — выдохнула она, и голос ее сорвался, запершись в горле комом слез и стыда.

Во мне все сжалось от боли за нее. Инстинкт кричал: обнять, прижать к груди, укрыть от всего мира. Но я боялся. Боялся, что мое прикосновение теперь, после рук Итана, будет воспринято как продолжение того же насилия. Поэтому я лишь слегка сжал ее плечо и убрал руку.

— Не за что, — тихо сказал я. — Тебе не нужно меня благодарить. Так и должно быть.

Мы замедлили шаг. Она, все еще не глядя на меня, кивнула. Потом, словно собравшись с духом, обернулась. И снова — та же робкая, дрожащая улыбка скользнула по ее лицу, но теперь в глазах стояла не просто печаль, а глубокий, животный страх, смешанный с благодарностью. На ее шее и открытом участке груди, там, где коснулась рука Итана, проступали красные, нездоровые пятна. Но по мере того как мы углублялись в лес, как звуки с поляны затихали, сменяясь шелестом листьев и щебетом птиц, я видел, как ее плечи понемногу расслабляются, дыхание выравнивается.

Я повел ее в сторону от основной тропы, к знакомой мне группе старых кедров, стоящих полукругом, как древние стражи.

— Ну что, как тебе наш лес? — спросил я, стараясь говорить как можно обыденнее.

Она запрокинула голову, и луч солнца, пробившись сквозь хвою, упал ей на лицо, заставив закрыть глаза.

— Здесь... так хорошо пахнет, — прошептала она. — Так свежо. Так тихо.

— Да, — согласился я. — Здесь воздух другой. Не городской. Им можно дышать полной грудью, и он прочищает не только легкие. — Я сделал паузу. — Давно ты... Как долго вы тут живете? — спросила она, обернувшись и прислонившись спиной к шершавой, теплой коре огромного ствола. Она согнула одну ногу, поставив подошву ботинка на корень, и в этой позе была какая-то детская, доверчивая неуклюжесть.

— Несколько лет уже, — ответил я. — Прижились.

Аманда засунула руки в карманы джинсов и задумчиво стала ворошить носком ботинка ковер из рыжей хвои и сухих шишек.

— Это так не похоже на все, к чему я привыкла, — сказала она тихо, почти про себя, глядя куда-то вдаль, между деревьев. — Совсем другой мир.

Тишина после моих слов повисла не пустотой, а чем-то плотным, пропитанным запахом хвои и ее тихим, неровным дыханием. Она покачала головой, и в этом движении было не просто несогласие, а глубокая, личная убежденность. Как будто ее прошлое было не грузом, который можно оставить у обочины, а лавиной, погребшей под собой целый мир, и никакая могила в лесу не была бы для него достаточно глубокой.

«Думаешь, прошлое можно просто... похоронить?» — ее вопрос прозвучал не как вызов, а с горьким, почти детским любопытством, словно она спрашивала о чем-то невозможном, вроде полета на луну.

Я задумался, глядя, как паутинка трепещет между ветками молодой пихты. «Может быть... если достаточно отвлечься. Или если ничто больше не будет отвлекать», — ответил я, понимая шаткость своей же философии. Лес был не побегом, он был замещением. Глухой, всепоглощающей тишиной, которая заглушала внутренний шум.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывай ставить звездочки и подписываться на автора!

Прода будет выходить через день!

Глава 4.

Она присела на корточки, проводя пальцем по влажной, темной земле, очерчивая перед собой маленький, аккуратный круг. Грубая, коричневая почва внутри него выглядела как открытая рана на фоне мхов и хвой. «Ты храбрый, знаешь ли... что решился на такое. Я правда так думаю».

И снова — этот жест, это пожатие плечами, этот отрицающий кивок. Мы говорили на разных языках. Что за тень лежала на ее душе, такая огромная, что даже бескрайность тайги казалась ей тесной клеткой? Что привело ее сюда, на этот аукцион отчаяния?

«Ты всегда такой... позитивный?» — она резко сменила тему, и в ее голосе прозвучала легкая, исследующая нотка. — Тот, кто всех успокаивает?

Вопрос застал меня врасплох. Неужели за этот короткий срок я уже успел стать для нее предсказуемым? «Миротворцем», как они иногда подшучивали? «Остальные считают, что я молод и глуп из-за этого, — признался я, глядя куда-то в чашу. — Говорят, что доброта — роскошь, которую нельзя себе позволить, когда мир показывает клыки. А я им отвечаю, что не обязательно быть стариком, чтобы усвоить жизненные уроки. И не обязательно ожесточаться, даже если повидал в жизни всякое».

Аманда вздрогнула, и не от холода — воздух был прохладен, но не морозен. Скорее, от внутренней дрожи, пробежавшей по ее телу. Я быстро скинул свою толстую фланелевую куртку и, не спрашивая, осторожно накинул ей на плечи. Она инстинктивно притянула грубую ткань к себе, укуталась в запах древесного дыма и леса, исходивший от меня. Мы замерли. Тишина вокруг стала звонкой, почти звенящей, и пространство между нами наэлектризовалось. Меня накрыла волна такого острого желания, что перехватило дыхание. Желания не просто прижать ее — а вобрать в себя, растворить в объятии весь ее страх, всю боль. Поцеловать так же глубоко и забывчиво, как прошлой ночью, уложить на мягкий мох и дать нам обоим заблудиться в простом, животном утешении плоти. Мое тело, предательски, помнило все: хрупкость ее стана под моими ладонями, тихий вздох, жар и влажность ее внутреннего мира, ту слепую, всепоглощающую вспышку, что сожгла на мгновение все мысли. Этот оргазм связал нас невидимой, но прочной нитью, оставив послевкусие не только физическое, но и душевное.

И тут, как удар обухом, пришло осознание. Джон и Арон были правы. Я — глупец. Строю воздушные замки из взглядов, полуулыбок и молчаливого понимания. Хочу большего, чем может дать этот холодный договор, большего, чем она, наверное, способна или хочет дать.

«Пойдем, — сказал я, прерывая опасный ход мыслей. — Я хочу кое-что тебе показать».

Мы снова двинулись в путь, и вскоре тропа начала подниматься вверх, к скалистому выступу. Когда мы вышли на него и остановились, она ахнула — тихо, по-детски, и прижала ладонь ко рту.

Мы стояли на краю мира. Каменная гряда, обточенная ветрами, обрывалась вниз, открывая перед нами долину такой необъятной ширины и глубины, что дух захватывало. Она уходила в сизую дымку горизонта, теряясь среди гряд далеких синих сопок. Это был гобелен, сотканный из тысяч оттенков: темная, почти черная зелень кедровых массивов, выгоревшие, ржаво-оранжевые пятна лиственниц, нежно-салатовые островки молодой поросли. И повсюду, на солнечных склонах и в защищенных ложбинках, горели россыпи полевых цветов — выносливые, яркие вспышки синего, фиолетового, желтого, цепляющиеся за жизнь в это межсезонье. Солнце, пробиваясь сквозь редкие облака, заставляло все это сиять влажным, чистым светом. От этой красоты, дикой и величественной, у меня, видевшего ее сотни раз, снова перехватило горло.

Где-то совсем рядом, в кронах сосен, зашелестел ветер, а вдалеке, над долиной, парил одинокий коршун, испуская время от времени протяжный, тоскливый крик. Но главным звуком, наполнявшим пространство, был ровный, мощный, неумолчный гул — шум реки, невидимой отсюда, но чье присутствие ощущалось каждой клеткой. Она катила свои холодные воды где-то внизу, вытачивая каньоны, и этот древний голос земли, казалось, впечатывался в самое нутро.

«Это так... красиво», — выдохнула Аманда, и в ее глазах, перебегающих с вида на меня и обратно, отразился немой восторг, смешанный с почти благоговейным страхом.

Мы присели на теплые от солнца камни, давая ногам отдых. Грохот воды заполнил паузу между нами, и в этом шуме было что-то исповедальное. Я снова подумал о ее словах, о невозможности похоронить прошлое.

«Аманда... что заставило тебя... пойти на аукцион?» — спросил я осторожно, глядя не на нее, а на парящего в вышине коршуна.

Она заправила прядь волос, выбившуюся из хвоста, за ухо. У моей матери были такие же длинные, шелковистые волосы, и она делала точно такой же нервный, изящный жест, когда думала о чем-то трудном или когда дул ветер. Странно, как память оживает в таких мелочах. Я давно уже не сидел вот так, просто так, с женщиной на природе, чтобы просто поговорить.

Аманда сглотнула, и я увидел, как напряглись мышцы ее тонкой шеи. Она пыталась подобрать слова, спрятать правду за простой формулой. Я мог задавать вопросы, но не имел права требовать ответов. Ее молчаливая борьба с самой собой снова разбередила во мне тот самый инстинкт — инстинкт защитника. Что бы ни было там, в ее прошлом, это причиняло ей такую боль, что даже здесь, в этой красоте, она не могла об этом говорить. И я ничего не мог с этим поделать. Ничего, кроме как попытаться сделать ее нынешние дни, этот вынужденный год, чуть менее тяжелым.

«Деньги, — наконец выпалила она, почти сердито. — Я сделала это ради денег».

Я кивнул. Да, конечно. Но я был уверен, что это не вся история. Она не знала нас, не знала моих мотивов, мотивов Джона и Арона. Не могла знать. Я и не ждал откровений. Но, может быть, если я сам буду открыт... Мне нечего было от нее скрывать. Я не был замкнут, как Арон, и не носил свой гнев на жизнь, как пылающий факел, на всеобщем обозрении, как Джон. Я мог дать ей знак, что здесь есть ухо, которое готово выслушать, когда она сама будет готова говорить.

«Знаешь, здесь я никогда не чувствую себя по-настоящему одиноким, — начал я, глядя на долину. — Деревья, птицы, этот воздух... Он другой. Он не похож на воздух там, где я вырос».

Я помолчал, собираясь с мыслями, подбирая слова для истории, которую редко кому рассказывал. «Моя мама умерла, когда мне было тринадцать. Меня определили в приют... и я сбежал оттуда. Мне просто некуда было идти».

Я почувствовал, как она повернула ко мне лицо. Взглянул — и в ее глазах не было жалости, которая так ненавистна. Было мягкое, внимательное участие, которое давало силы продолжать.

«Жить на улице... Это была другая школа. Постоянная тень, вечный расчет на случайную доброту чужих людей. Это многому научило. Но мне повезло. Меня нашел Джон. Он дал мне шанс».

«Джон?» — ее удивление было искренним и глубоким. Она не могла соединить воедино того сурового, молчаливого гиганта с прошлой ночью и образ спасителя.

«Он устроил меня на лесопилку, дал крышу над головой, — пояснил я. — Научил всему, что сам умел». Она снова покачала головой, будто переписывая в сознании целую главу.

«У меня была младшая сестренка, Кармел. Ей было всего шесть, когда мамы не стало. Ее быстро удочерили. Хорошая семья, наверное. Но я... я не проходит и дня, чтобы я не подумал, где она сейчас, как она выглядит...»

Я замолчал, заметив, как Аманда снова сжала кулаки. Ее костяшки побелели, а на ладонях, наверное, остались следы от ногтей. Я сказал уже слишком много. У нее тоже была своя рана, свежая и кровоточащая, я был в этом уверен.

Не раздумывая, я подвинулся ближе и обнял ее за плечи, просто так, по-дружески. Сначала ее тело ответно напряглось, стало твердым и неуступчивым. Но потом, постепенно, она словно растаяла, обмякла, позволив мне притянуть ее к себе. Мы сидели так, слушая реку и ветер, и время потеряло свой счет. Потом она медленно повернулась ко мне. В ее глазах стояла такая тоска, такая бездонная печаль, что я не смог понять ее источник. И тогда, повинуясь импульсу, я наклонился и коснулся губами ее губ. Они были прохладными, нежными, как лепестки. Поцелуй был теплым, тихим, без требований — просто мгновение тихого понимания на краю света.

Нас резко разлучил испуганный всплеск крыльев — птица сорвалась с ветки близлежащей сосны. Аманда отпрянула, вскочила, ее глаза, широкие от испуга, метнулись по лесу, выискивая угрозу.

«Просто птица, — поспешил я успокоить, вставая. — Ничего страшного».

Она выдохнула, и в этом выдохе было облегчение, смешанное со стыдом за свою реакцию. «Извини. Я чувствую себя... будто попала в какую-то странную сказку. Только вместо избушки и трех медведей — лесная хижина и три лесоруба».

«О, да?» — я не смог сдержать улыбку.

«Да. Точно про вас. Медведь, Мачо и... Добряк», — она произнесла это без насмешки, скорее с грустной прямой.

Я фыркнул, пораженный точностью, с которой она, сама того не ведая, всех троих охарактеризовала. Но ее слова отозвались во мне странной, сладкой горечью. «Три медведя» — это была последняя книжка, которую я читал Кармел перед тем, как нас разлучили. Я на миг застыл в этом воспоминании, снова ощутив остроту той потери, и глубоко вдохнул, пытаясь вернуться в настоящее.

И тогда случилось неожиданное. На этот раз она сама обняла меня. Легко, несмело, но в этом жесте было столько интуитивного понимания, будто она почувствовала мою внезапную боль, мою потребность не в страсти, а в простом человеческом тепле. Я прижал ее к себе, и только тогда ощутил, как все ее тело сотрясает мелкая, беззвучная дрожь. Она плакала. Тихо, отчаянно, уткнувшись лицом в мою грудь, и ее слезы пропитывали ткань рубашки, жгли кожу.

«Эй, все хорошо, — прошептал я, глядя ее по спине, чувствуя под ладонью хрупкость ее лопаток. — Все в порядке». Я прикоснулся губами к ее макушке, вдыхая запах ее волос — чистый, с оттенком мыла и чего-то своего, неуловимого. Постепенно ее дыхание выровнялось, дрожь утихла. Она отстранилась, избегая моего взгляда, снова создавая дистанцию, словно боялась позволить себе привыкнуть к этой близости.

«Давай вернемся, — предложил я мягко. — Пора».

«Я... я приготовлю обед», — быстро сказала она, и в этом было что-то от желания вернуться к ясным, простым ролям, к понятным обязанностям.

Я кивнул, и мы пошли обратно по знакомой тропе. Лес, казалось, поглощал шум наших шагов и гул реки, наступала привычная, убаюкивающая тишина. Но я чувствовал, как в ней бурлит невысказанное. Она шла, опустив голову, и я видел, как ее мысли работают, складывая пазл из увиденного и услышанного.

Пройдя еще немного, она вдруг остановилась и повернулась ко мне. В ее глазах стоял прямой, трудный вопрос, от которого нельзя было отвернуться.

«Скажи... почему Джон так явно меня ненавидит? Я не понимаю. Зачем ему было участвовать в аукционе, если он... если мое присутствие его так отталкивает?»

Вопрос повис в воздухе, острый и неудобный. Он поставил меня в тупик, потому что я и сам до конца не понимал темных глубин мотивов Джона. Я не мог сказать ей правду, которая маячила у меня на краю сознания: что для Джона это могла быть не потребность, а какая-то извращенная форма самонаказания, или мрачная попытка утвердить власть, или что-то еще более сложное и пугающее. Поэтому я выбрал ту версию, которая, как я надеялся, могла приоткрыть ей другую сторону этого человека и позволить увидеть в нем не только угрозу.

«Джон... Он не ненавидит тебя, Аманда. Он ненавидит... ситуацию. Или, может быть, ту часть себя, которая привела его к этому. Он видел в жизни много темного. И иногда человек, чтобы не чувствовать боли, начинает злиться на весь мир, даже на того, кто ни в чем не виноват. Он дал мне шанс когда-то. В его сердце есть место для... для чего-то правильного. Просто доступ к этому месту сейчас закрыт очень толстой дверью. И ключ... я не знаю, где ключ».

Я говорил это, глядя куда-то поверх ее головы, в гущу леса, и надеялся, что мои слова звучат хоть сколько-нибудь убедительно. Потому что правда была в том, что мы все трое, каждый по-своему, были сломлены. И Аманда, сама того не желая, стала тем зеркалом, в котором мы видели свои трещины. А смотреть в такое зеркало всегда больно.

Тропа, утопающая в мягком ковре из прошлогодней хвои, вилась между стволами, как змея. Мы шли молча, и этот путь обратно казался и короче, и бесконечно длиннее из-за тяжести невысказанного. Прошло несколько шагов, может, десять, может, двадцать — я потерял счет, когда Аманда вдруг резко остановилась, заставив и меня замереть на месте. Она повернулась, и в ее глазах, еще не высохших от недавних слез, стоял прямой, лишенный всяких покровов вопрос. Он вырвался наружу, словно она больше не могла его держать в себе.

— Скажи честно... почему Джон меня так откровенно ненавидит? — ее голос был тихим, но твердым. — Я не могу понять логики. Зачем ему было участвовать в этом... аукционе, тратить деньги, силы, если мое присутствие его так явно раздражает, отталкивает? Это какая-то... пытка для нас обоих?

Вопрос повис в прохладном воздухе, острый и неудобный, как шишка под босой ногой. Я вздохнул, глядя куда-то поверх ее плеча, на узор из мха на коре старой сосны. Как объяснить сложную, изломанную душу человека, который сам себе не признается в половине своих мотивов?

— Ненависть — это слишком сильное и простое слово, Аманда, — начал я осторожно, подбирая выражения. — Джон... он не умеет по-другому. За его суровостью часто скрывается не злость, а... неумение. Неумение обращаться с хрупкими вещами. Если бы не он, честно говоря, не знаю, где бы я сейчас был. Может, на дне какой-нибудь канавы. Он взял меня, оборванного пацана с улицы, дал работу, кров, научил всему, что знает сам. В глубине души в нем есть что-то... что-то правильное, порядочное. Но добраться до этого — все равно что пробираться сквозь бурелом. Он просто очень старается казаться таким, каким, как ему кажется, должен быть мужчина в этом мире. Неприступной скалой.

Она медленно кивнула, обдумывая мои слова. Ее взгляд стал менее испуганным, более аналитическим. Она пыталась собрать пазл, но важные детали все еще были скрыты.

В этот момент мое внимание привлекло пятно яркого цвета справа от тропы — небольшая, залитая солнцем полянка, где меж травы и камней горели крошечные фиолетовые звездочки полевых цветов. Без лишних слов я свернул с тропы, опустился на корточки среди влажной, пахнущей землей травы и стал осторожно срывать стебельки с нежными, бархатистыми головками. Через минуту у меня в руке был небольшой, скромный, но удивительно живой букет. Я вернулся к Аманде, все еще стоявшей на тропе, и протянул его ей.

— Вот. Для твоей вазы. Чтобы в комнате пахло не только деревом, — сказал я просто.

Она посмотрела на цветы, потом на меня. Сначала лишь уголки ее губ дрогнули, едва заметно. Потом улыбка, робкая, как первый луч солнца из-за тучи, медленно растеклась по всему лицу, коснулась глаз, заставив их блеснуть влажным, теплым светом. Она расслабилась, приняла букет и поднесла к лицу, вдыхая тонкий, едва уловимый аромат.

В этот момент не было рядом ни Джона с его ледяным молчанием, ни Арона с его суровой практичностью. Не было никого, кто мог бы сказать, что я поступаю неправильно, что обращаюсь с наемной «обслугой» как с женщиной, заслуживающей простых знаков внимания. Да если бы они и были — плевать я хотел на их мнение в эту секунду. Видеть, как улыбается Аманда, было все равно что наблюдать, как после долгой, гнетущей ночи на горизонте разливается первый, чистый свет зари. Это наполняло теплом что-то глубоко внутри, ту холодную пустоту, которая всегда дремала на дне души.

Мы снова пошли, и вскоре сквозь редеющие стволы показалась знакомая темная линия крыши нашей хижины. Я смотрел, как она, держа перед собой букетик фиолетовых цветов, шагает к порогу этого странного, ставшего ей на год домом, места. И в сердце шевельнулась тихая надежда. Может быть, сегодняшний день, несмотря на всю грязь и страх с поляны, эта прогулка, этот разговор и эти дурацкие цветы... Может быть, этого было достаточно, чтобы отогнать хотя бы тень того ужаса, который, должно быть, охватывает ее при мысли о долгих месяцах впереди.

До того, как Джон и Арон снова впустят в наш общий мир свою ледяную ярость и грубость, ведя себя как те медведи из ее шутки, только без сказочного ми-ми-ми.

АРОН

Я толкнул тяжелую дубовую дверь плечом, ожидая увидеть внутри картину почти домашнего уюта: Филла, разливающего по кружкам что-нибудь горячее, Аманду у печи, от которой пахнет хлебом или, на худой конец, жареной картошкой. Вместо этого в хижине царила пустая, звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающих в печи углей. За столом, спиной к окну, сидел Джон. Перед ним стояла кружка с дымящимся черным кофе, а на тарелке в центре стола лежали остатки простого, наскоро приготовленного обеда — похоже, консервы и хлеб. Он поднял на меня взгляд — холодный, стальной, оценивающий — и едва заметно кивнул, что в его исполнении было почти сердечным приветствием.

— Ну что? Где наши голубки? — спросил я, скидывая тяжелые, пропахшие потом и смолой рабочие перчатки на лавку у двери.

Джон пожал могучими плечами, но между его темными, нахмуренными бровями залегла глубокая складка. В ней читалось столько молчаливого неодобрения и раздражения, что хватило бы снарядить целый взвод угрюмых гренадеров. «Его здесь нет. И ее тоже».

Я покачал головой, чувствуя, как усталость тяжелым свинцом оседает в костях. Утро было адским — не столько из-за объема работы, сколько из-за отголосков утреннего инцидента с Итаном. Его буйное, обиженное ворчание отравляло атмосферу, как испорченная вода. Такое случалось периодически, пока чей-нибудь кулак — обычно Джонов или, в крайнем случае, мой — не делал всем одолжение и не возвращал выскочку в его нишу. Но удар Фила сегодня... он не умиротворил Итана. Он, кажется, только подлил масла в огонь его униженной злобы.

Я подошел к раковине, налил себе стакан ледяной колодезной воды и выпил залпом, чувствуя, как холод растекается по изможденному телу. Потом открыл холодильник — тот самый, массивный, чуть гудевший старением агрегат. Внутри царил привычный спартанский порядок: пачки масла, сыр, колбаса, яйца. Ничего лишнего. Ничего, что пахло бы женскими руками или заботой.

Я обвел взглядом кухню. Чисто. Слишком чисто. Как после ухода, а не перед приходом. «Она так и не приготовила обед?» — спросил я, уже зная ответ.

Джон резко выдохнул через ноздри, словно бык перед атакой. «Первый же день, а она уже сачкует. Филл должен был немедленно привести ее обратно. Привести в чувство и поставить к плите. Так было договорено».

«Должен был, — парировал я. — Но не привел. Похоже, с ними обоими нужен серьезный разговор. Не находишь?»

Я налил себе крепкого, как деготь, кофе из стоявшего на плите чайника и, хотя желудок урчал от голода и пустоты после тяжелой работы, опустился на стул напротив Джона. Его массивная фигура отбрасывала на стол тяжелую тень.

«Ничего, — сказал я, и в голосе моем прозвучала твердая, привычная нота. — Все утрясется. Девчонка привыкнет. Это новый опыт для всех. Для нее — тем более».

«Опыта бы не было, если бы кое-кто в этом доме не начал вести себя с ней, как с новой лучшей подружкой на пикнике», — проворчал Джон, его пальцы сжали кружку так, что костяшки побелели.

«Ты же знаешь Филя, — попытался я смягчить. — У него сердце... как у того щенка, что ты когда-то подобрал. Не может пройти мимо всего хрупкого и несчастного».

«Щенка нужно дрессировать, а не позволять ему слюнявить все вокруг, — отрезал Джон. — Филлу нужно взять себя в руки. Иначе мы с ним всерьез сцепимся из-за этой... девки». Последнее слово он выплюнул с таким презрением, что я невольно резко поднял брови. Он стиснул челюсти так сильно, что у него дернулась скула, и я увидел, как напряглись мощные жевательные мышцы.

«Нет смысла портить многолетнюю дружбу из-за женщины», — произнес я, понимая, что мои слова сейчас звучат как жалкая, беспомощная отмашка. Они не достигали цели.

«Я уже все сказал по этому поводу, — голос Джона стал низким, опасным. — Не собираюсь повторяться. Либо ты с Филлом возьмете себя в руки и будете помнить, зачем она здесь, либо мне придется взять ситуацию в свои руки и надавить на нее гораздо сильнее. По крайней мере, один из нас должен сохранять в голове трезвость и контроль».

«Контроль есть, Джон. Успокойся», — попытался я его обезоружить, но звучало это неубедительно даже для моих собственных ушей.

Он сделал последний глоток кофе и с глухим стуком поставил кружку на стол, откинувшись на спинку стула. Тяжелое, гнетущее молчание повисло между нами, как гарь после выстрела. Я уставился на крошки хлеба и следы жира на тарелке Джона, размышляя, стоит ли сейчас что-то готовить или подождать.

«В прошлую ночь она... держалась достойно, — неожиданно, сквозь зубы, произнес Джон. Его взгляд был устремлен в стену, но я видел, как он напряженно обдумывает слова. — Не визжала. Не рыдала. Приняла все как есть. Впервые за долгое время... все прошло как надо».

«Да, — согласился я, удивленный этой невольной, суровой похвалой в адрес Аманды. В словах Джона это было высшей оценкой.

«Значит, надо с ней серьезно поговорить. Объяснить правила. И Филлу нужно прекратить разыгрывать из себя рыцаря на белом коне!» — его голос снова зазвенел сталью.

«Я поговорю с ним. Как только они появятся», — пообещал я.

Джон кивнул, потянулся за кружкой, но она была пуста. Он провел ладонью по лицу, и в этом жесте сквозь привычную суровость на миг проглядела усталость, тяжелая и беспросветная. «Но если она пропустит еще один прием пищи, или я вернусь в дом, который выглядит как хлев... она вылетит отсюда, как пробка из бутылки. Без разговоров».

Мне захотелось сказать ему, что этот дом и без того последние пять лет больше походил на берлогу, чем на жилье, и что женская рука тут не помешала бы. Но я промолчал. Бесплезно дразнить медведя, когда он и так на взводе. Да и куда, собственно, мы ее «вернем»? Если бы у нее было куда возвращаться, она явилась бы к нам хоть с каким-то скарбом, а не с тем жалким

узелком. Вещей у нее не было. Значит, и дома — тоже. И если бы этот дом у нее был, ей вряд ли пришлось бы продавать себя с такого чертова аукциона.

Когда Джон отодвинул стул, встал во весь свой гигантский рост и вышел из хижины, хлопнув дверью с такой силой, что задребезжали стекла в окнах, я остался сидеть за столом. Я пытался понять, как подобрать слова к Филлу. Как донести до него, что его доброта, его попытки смягчить ситуацию, на самом деле ставят под удар все наше хрупкое соглашение, всю эту выстроенную на лезвии бритвы конструкцию. И как мне объяснить Аманде, чего от нее ждут, если Филл будет постоянно сбивать ей карты своей... своей человечностью?

Я провел ладонью по щетине на лице, чувствуя грубую, колючую фактуру, когда внезапно из глубины хижины донесся приглушенный, но отчетливый звук. Что-то упало. Легкий грохот, похожий на падение книги или небольшого предмета с полки. Я мгновенно вскочил, стул с грохотом отъехал назад. Сердце заколотилось с непривычной частотой.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывай ставить звездочки и подписываться на автора!

Прода будет выходить через день!

Глава 5.

Быстрыми, неслышными шагами я прошел через гостиную в короткий, темный коридор. И как раз увидел, как в дальнем конце его мелькнула фигура и бесшумно скрылась за дверью в ее комнату. Аманда. Она была здесь. Все это время. И, судя по всему, стояла за углом и слушала каждое наше слово с Джоном. Если она слышала хоть половину... это меняло все. Ставило нас в дурацкое, откровенно подлое положение.

Я подошел к ее двери. Она уже почти закрылась, но я успел упереться ладонью в грубое дерево. Дверь остановилась. Я не толкал ее, просто занял собой весь проем, заблокировав отступление. Она отпрянула вглубь комнаты, и в свете из окна я увидел ее лицо. Оно было бледным, как мел, глаза — огромными, полными чистого, животного страха. Она выглядела ошеломленной, пойманной с поличным.

Мне не нужно было ничего говорить. Один только мой вид, моя фигура, заполнившая дверной проем и отрезавшая свет, заставила ее задрожать мелкой, неконтролируемой дрожью.

— Подслушивала? — спросил я. Голос прозвучал низко, ровно, без эмоций. Именно это, как я знал, пугало больше всего.

— Я не хотела! Я была... — она начала лепетать, голос срывался.

Я резко поднял руку, не вверх, а просто вперед, ладонью к ней, в универсальном жесте «стоп». Она замолчала, будто ей перекрыли кислород. «Аманда, — произнес я медленно, четко выговаривая каждое слово. — Тебе нужно уяснить про меня две вещи. Я не терплю лжи. И я не принимаю оправданий».

Ее кожа, и без того бледная, стала практически прозрачной. Она отступила еще на шаг, наткнувшись на край кровати. «Я... я собиралась выйти, сказать, что вернулась... но потом услышала, как вы говорите обо мне... и подумала, что ты разозлишься еще сильнее, если я помешаю...»

«А теперь я разозлился именно из-за этого», — отрезал я, и в голосе моем наконец прорвалась стальная хватка гнева. Я не повышал тона. Но каждая фраза была как удар тупым лезвием.

Я переступил порог, навис над ней, опершись одной рукой о косяк. Мускулы на плече и спине, уставшие от работы, напряглись и вырисовались под тонкой тканью рубашки. Я чувствовал ее страх, он витал в воздухе комнаты, густой и сладковатый.

— Филл... он не делает тебе одолжения, ведя себя с тобой как с... как со своей пассией, — сказал я, выдерживая паузу. — Хотя он, может, и не может иначе. Он... он хороший. До мозга костей. Это его природа, с ней не поспоришь. Но я и Джон... мы не такие хорошие. Мы не собираемся притворяться. И тебе не стоит обманываться на наш счет.

Мои слова повисли в пространстве комнаты, тяжелые и неоспоримые. Ее губы приоткрылись, она хотела что-то сказать, возразить, но не нашла слов.

— В контракте черным по белому прописано, чего мы ждем от своих... инвестиций, — я намеренно использовал это холодное слово. — Советую перечитать его. И будь осторожна. Не дай Филу поселить в своей голове иллюзии. Для него это может кончиться больно. А Джон... Джон есть Джон. Делай то, что он говорит, выполняя свою часть договора — и этот год пройдет. Ты получишь свои деньги. А если нет... — я сделал крошечную паузу, давая ей прочувствовать ее вес, — ...он вышвырнет тебя отсюда, не моргнув глазом. И Филл, со всем его добрым сердцем, не сможет его остановить. Никто не сможет.

Она моргнула, и я позволил своему взгляду, холодному и оценивающему, медленно скользнуть по ней. Задержался на красных, еще не сошедших пятнах на ее шее и открытом вырезе рубашки — следах грубых пальцев Итана. Следы унижения.

Она, казалось, собрала последние крохи мужества. Ее голос прозвучал тихо, но ясно: «А ты?»

Я чуть склонил голову набок, как бык, не понимающий вопроса.

«Чего ждешь... от меня ты?» — уточнила она.

Я выдержал паузу, глядя прямо в ее испуганные глаза. «Что заработаешь, то и получишь. Деньги на деревьях не растут. И простая жизнь... она никогда не бывает простой. Это все, что я могу тебе предложить. И все, что ты можешь от меня ожидать».

Ее слова, «я обязательно прочитаю контракт», прозвучали не как согласие, а как глухой, автоматический ответ загнанного в угол животного. Она понимала язык угрозы. Я кивнул, медленно проводя языком по внутренней стороне зубов, ощущая привкус металла, пыли и чего-то горького. «Главное запомни сейчас: еда — вовремя. Дом — в чистоте. И эта дверь, — я указал на нее подбородком, — на ночь не запирается. Это основы. Все остальное... найдешь в бумагах сама».

«Хорошо, я поняла», — выдохнула она, и в этом «хорошо» не было ни капли покорности, лишь холодное, отстраненное принятие неизбежного.

Я сделал паузу, глядя на красные следы на ее шее. Они напоминали о другом нарушении порядка. «Что было сегодня на делянке...»

Аманда кивнула, снова отступив на полшага, будто пытаюсь раствориться в стене.

«Это не на твоей совести. Итан — отброс. Он всегда был отбросом. Мне он не нравится, вот он и вымещает свою дрянь на тебе». Слова вырвались сами, проще, чем я планировал.

Ее глаза, все еще полные страха, вдруг вспыхнули искрой любопытства. «Почему? Почему ты ему не нравишься?»

Вопрос ударил, как плеть. Он был не по адресу. Он вскрывал то, что должно было остаться под спудом. Именно об этом говорил Джон: нельзя давать слабину, нельзя позволять ей рыться в нашем прошлом, в наших демонах. Это путь к катастрофе. И мне нужно было положить этому конец. Сейчас же.

Без предупреждения я шагнул в комнату, сократив расстояние до нее до нуля. Теперь мы были на расстоянии вытянутой руки, и я мог разглядеть каждую бледную веснушку на ее носу, каждую ресницу, отбрасывающую тень на щеки. Я протянул руку — движение быстрое, точное, как у змеи. Мои пальцы обхватили ее шею не с силой, чтобы задушить, а с властной уверенностью хозяина. Большой палец лег на хрупкую впадину у основания горла, прямо на трахею, и надавил ровно настолько, чтобы заставить ее сглотнуть, ощутить свою уязвимость. Кожа под моими пальцами была горячей, пульсирующей.

«Не задавай вопросов, красавица, — прошептал я, и мой голос, низкий и хриплый, заполнил тишину комнаты. — Ответы тебе могут не понравиться».

Аманда застыла. Ее зеленые глаза, широко раскрытые, смотрели на меня, и в них медленно рассеивался туман страха, сменяясь чем-то другим — шоком, осознанием, а затем... странным, глубоким интересом. Ее грудь вздымалась под тонкой тканью рубашки, дыхание стало прерывистым, но не паническим. И в этот момент, глядя на ее покорно запрокинутое лицо, на ее губы, приоткрытые от коротких вдохов, я почувствовал, как глубоко внизу, в грязных рабочих джинсах, знакомое тяжелое напряжение начинает нарастать. Кровь прилила, член начал твердеть, наполняясь грубой, животной потребностью.

У меня был выбор. Обед или она. Я любил бутерброды, черт возьми, после каторжного утра я был голоден как волк. Но голод в животе мерк перед другим, более острым, более властным голодом. Выходить из этой комнаты сейчас, оставляя этот странный, наэлектризованный момент нереализованным, было выше моих сил.

«На колени, Аманда», — пророкотал мой голос, уже лишенный всякой мягкости, звучащий как приказ, отлитый из стали.

Она не заколебалась ни на секунду. Ее колени мягко коснулись грубых половиц. Она опустилась, упираясь ладонями в прохладное дерево, и ее взгляд, покорный и выжидающий, упал на уровень моих бедер. Я движением, отточенным до автоматизма, выдернул конец ремня из пряжки. Металл звякнул тихо, но в тишине это прозвучало как выстрел. Молниеносно расстегнув пуговицу и молнию, я освободил свою напряженную плоть. Вытащить тяжелый, уже полностью возбужденный член из тесного денима не составило труда. Аманда смотрела на него, и в ее взгляде не было отвращения. Был трепет. Почти благоговение, смешанное с тем же страхом, как если бы она смотрела на обнаженный клинок.

Я обхватил себя ладонью, медленно провел вверх-вниз, чувствуя, как под тонкой кожей пульсирует живое, почти болезненное напряжение. Она наблюдала, не отрываясь, ее дыхание стало чуть громче. «Открой рот», — скомандовал я, не прося, а требуя. Ладонью я прикоснулся к ее щеке, провел большим пальцем по ее нижней губе, ощущая ее мягкость и влажность. Ее веки дрогнули и опустились на мгновение, когда она выдохнула. Затем губы разомкнулись в немом согласии. Я смазал ее нижнюю губу каплей предэякулята, мутной и соленой, а затем, не спеша, ввел между ее губ.

Она приняла меня. Не просто позволила, а активно взяла в рот, и техника, с которой ее язык обхватил меня, губы сомкнулись, была... опытной. Умелой. Мысль о том, что эти губы, этот язык знали другого мужчину, прикоснулись к нему так же, пронзила меня внезапной, белой и яростной вспышкой ревности. Я и не подозревал, что во мне может дремать такое примитивное, варварское чувство собственности. Но оно было здесь, сейчас, жгучее и неоспоримое. Эта девушка у моих ног — МОЯ. По контракту, по праву силы, по какому-то темному, первобытному соглашению. И мысль о чужих руках на ней, особенно о грязных лапах Итана, вызвала такую волну ярости, что мне пришлось закрыть глаза, сжав веки, чтобы не дать ей вырваться наружу. Я сосредоточился на ощущениях: шелковистая влажность ее рта, грубоватые движения языка, тепло, которое обволакивало меня.

«Вот так, — прохрипел я одобрительно, положив руку ей на затылок, чувствуя под пальцами мягкие волосы и хрупкость черепа. Я слегка подтолкнул, направляя ритм. — Глубже».

Она ухватилась руками за мои колени, цепко, как за якорь, и послушно задвигалась быстрее, принимая меня все глубже в глотку. Из уголков ее глаз, зажмуренных от усилия, выкатились слезы и покатались по щекам. Но она не останавливалась. В этом была своя, извращенная красота — полная отдача, абсолютное подчинение.

«Тронь себя», — выдохнул я, и мои слова прозвучали хрипло от наслаждения. Она на миг замерла, удивленно моргнув слезящимися глазами, но затем, не выпуская меня изо рта, одна ее рука скользнула вниз, к пряжке ее собственных джинсов. «Да. Там. Покажи, как ты мокра для меня».

Она издала приглушенный стон, вибрация которого прошла по всей длине моего члена. Ее пальцы, должно быть, нашли свою цель, потому что ее бедра слегка задрожали. Эта картина — ее покорность, ее собственная, неподдельная ответная волна возбуждения — довела меня до края. Жар внизу живота сгустился в тугой, невыносимый ком. Я стиснул зубы, пытаюсь удержать контроль, но это было бесполезно. Она проглотила меня до самого основания, и с этим последним, влажным, сжимающимся движением ее горла, я сорвался в пучину.

Оргазм пронзил меня, не как волна удовольствия, а как разряд молнии — резко, болезненно-сладостно, выжигая все мысли. Я мог лишь смотреть сверху вниз, как ее голова покорно движется у меня между ног, принимая все, что я отдаю, и молиться, чтобы колени не подкосились.

Когда наконец спазм стих, и она, с последним сглатыванием, выпустила меня, в комнате несколько секунд царила гулкая тишина, нарушаемая лишь нашим тяжелым дыханием. Я убрал свой член, еще чувствительный и влажный, обратно в джинсы, застегнул молнию, пуговицу, потянул ремень. Ее рука все еще была засунута в ее собственные джинсы. Я не стал делать ей

замечание. Даже в этой извращенной игре я считал несправедливым, чтобы все удовольствие было односторонним. Она заслужила свою долю.

«Ложись на кровать», — приказал я, и голос все еще звучал хрипло, но уже без прежней резкости.

Она поднялась на ноги — движение быстрое, плавное, идеально послушное. И этот вид, это мгновенное, безоговорочное подчинение заставило мой вялый член снова подать слабый, но отчетливый сигнал жизни. Я наклонился над ней, когда она легла на спину, и быстрыми, решительными движениями расстегнул и стащил с нее джинсы. Она лишь коротко ахнула от неожиданности, когда прохладный воздух коснулся ее кожи.

Раздвинув ее ноги, я опустил между ними. И обнаружил, что она не просто готова — она промокла насквозь. Ее возбуждение было явным, острым, влажным свидетельством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.